

Костёр

2

ФЕВРАЛЬ

1960

Костёр

2

ФЕВРАЛЬ

1960

ежемесячный детский журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ

«ШУТКА» Ю. Томина,
«АЛЕШКА» Н. Эрка,
«МЯТЕЖНЫЙ ЭШЕЛОН»
Т. Куракина, «ИСТОРИЯ ОДНО-
ГО БОЛЬШОГО УМА И
ОДНОГО МАЛЕНЬКОГО
СЕРДЦА» Элио Репель

*

СТИХИ

«КОЛЯ ОБЕЩАЕТ»
Н. Глейзарова, «ЛЕС» Н. Голь-
дина, «БЕЛАЯ ОВЧИНА»
И. Василевского

*

ОЧЕРКИ

«УМНЫЕ МАШИНЫ» Л. Глуз-
мана, «ОБУЧЕННЫЙ АВТОМО-
БИЛЬ» А. Еромицкого, «ОСТРОВ,
СБРОСИВШИЙ ЦЕПИ»
А. Дридзе и М. Ульмана,
«ТРУЖЕНИК ВЕЛИКОГО
ПЛАНА» Г. Порховника, «ПА-
МЯТНИК НА ПЛОЩАДИ ЦВЕ-
ТОВ» И. Григорьева

*

ФОТО-ОЧЕРКИ

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛ-
ЖАЕТСЯ», «ШКОЛА МАСТЕ-
РОВ»

*

«ЛЕНИНГРАД—„КОСТЕР“
МОРСКОЙ КЛУБ

*

На обложке фото О. Василевского
На 2-й странице обложки
рисунок В. Звонцова

На титуле фото Л. Новикова
«На учении»

СОЛДАТСКАЯ ЗВЕЗДОЧКА

Раздалась команда —
Начало похода,
И путь перед нами далекий лежит.
Смотрю — за рядами последнего взвода
Мальчишка упрямый бежит и бежит.

Мальчишка такой не попросит любое.
Солдатам заглядывая в лицо,
Ясно он видит
Романтику боя
И огневую славу бойцов.

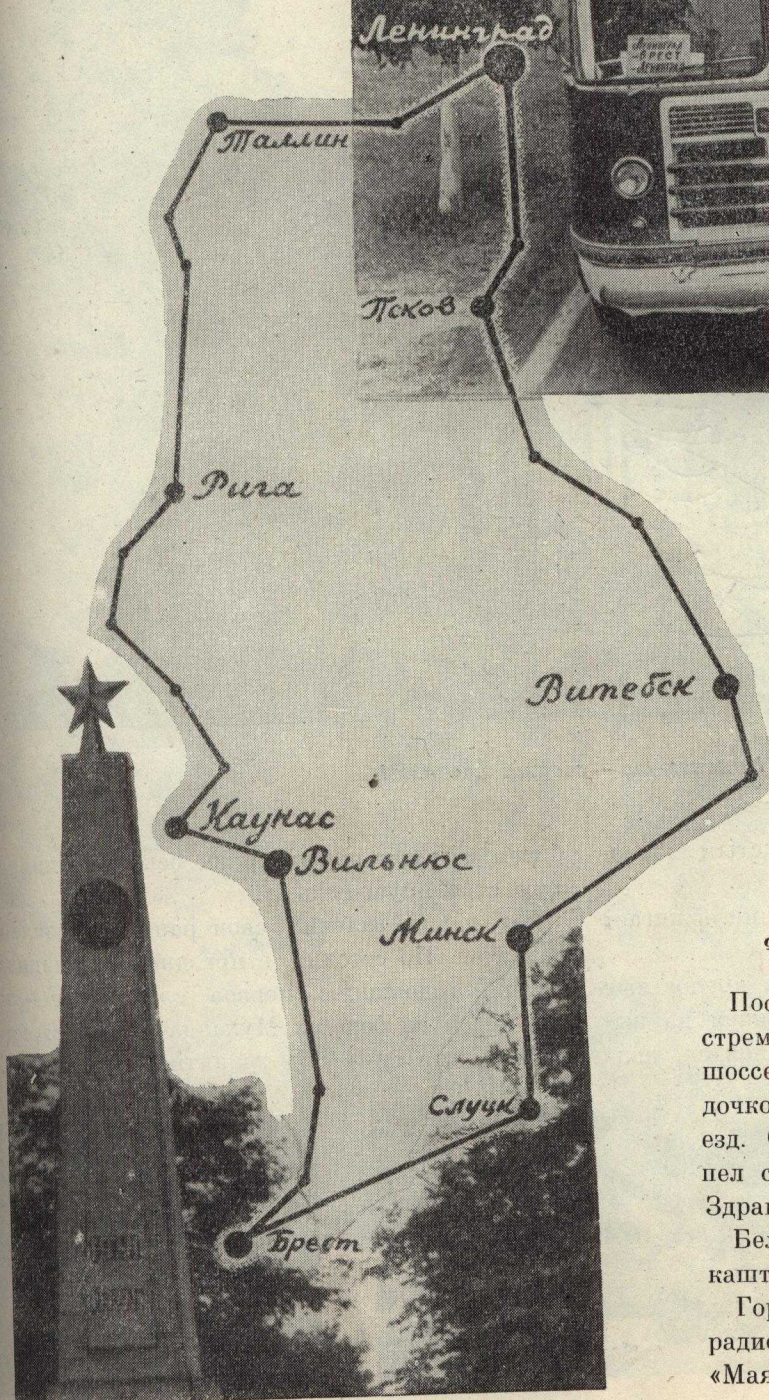

Бежит он за взводом
И не отстанет,
Сколько его ты ни отгоняй,
К пилотке, к звездочке руку тянет:
— Дяденька!
Что тебе, жалко, — дай!..

И вот за зеленым круглым пригорком,
За поворотом — там, вдалеке,
Остался мальчишка,
Зажав с восторгом
Красную звездочку
В кулаке.

Яков Лиховецкий, сержант

Пионер
читит
память
героев

Путешествие продолжается

Фото и текст Ф. Нафтульева

Последние полчаса — под ливнем, по стремительному, блестящему, как стекло, шоссе с липами на обочинах. Мост с будочкой часовой. Железнодорожный переезд. Светофор над перекрестком. Защипел сжатый воздух, двери раздвигаются. Здравствуй, Брест!

Белые плитняковые тротуары, кроны каштанов над крышами.

Город-легенда, ты был для нас книгой, радиопьесой, фильмом в кинотеатре «Маяк». Сегодня ты стал самим собой:

Наконец-то — своими глазами!

просто городом. Маленьким, тенистым и гордым.

Здравствуй! Ветер былых сражений обжигает наши лица.

Строем, под барабан, войдем в крепостные ворота. Прочтем полустертые надписи на выщербленной стене. Если посчастливится, под-

берем с земли почерневший осколок или ржавую стреляную гильзу...

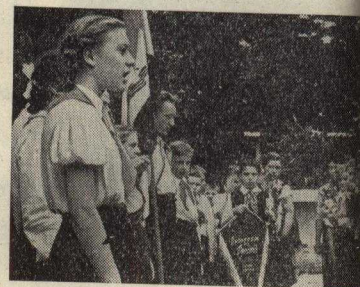
Ты давно залечил свои раны. Ты зелен и солнечен. Но сегодня, в праздник Пятнадцатилетней годовщины, первое слово твое — тем, кто бился на берегах Мухавца в давнем сорок первом, кто спит под гранитными плитами.

Экскурсия началась отсюда

Герой в «окружении»

— От имени пионеров Бреста...

Ясно небо над Мухавцом!
 В центре — Герой Советского Союза Гаврилов, правее — генерал Чамышев

Грянул ружейный залп, вскинули руки к козырькам седые генералы, и Герой Советского Союза, ветеран сражения над Бугом,

бережно положил к подножию памятника первый венок.

Их — тысячи на площади, огромных и

Помолчим... Каунас, Девятый форт

Мы — из новой Варшавы

*Из времен панского гнета
Подпольная листовка, музей
колхоза «Искра»*

Впереди линейка под Каунасом, в Девятом форту. Минута молчания над могилой рижских комсомольцев-подпольщиков. Женья Никонов, бессмертный краснофлотец,

Партизанка рассказывает

маленьких, перевитых алыми лентами, украшенных живыми цветами. И среди них наш. На его ленте написано: «Героям Бреста — от пионеров Ленинграда».

Как мы спешили к тебе, как торопились на твой праздник!

Весь городской лагерь Свердловского района проводил нас в дальнюю дорогу. Крутились колесики спидометров. Пролетали в окнах стрелы-указатели: «Луга», «Псков», «Опочка». Асфальт сменялся щебенкой, щебенка — булыжником, булыжник — бетоном автострады. И всюду, всюду на краю дороги — холмики братских могил, остроконечные столбики обелисков...

Будет гулянье в парке. Концерт. Спортивная встреча. Фейерверк.

А потом будет утро. Флажки над ветровыми стеклами наших автобусов вновь затрепещут, приветствуя скорость.

*В нашем полку прибыло!
Таллин*

взглянет на нас с гранитного барельефа в старинном таллинском парке Кадриорг.

Разные имена. Разные географические названия. А традиции одни. Твои. Брестские.

*Жарища ...
Пионерлагерь под Витебском*

*Эй, ухнем!
Шоссе Рига — Таллин*

*Зато выехали на заре...
Десятый километр после Вильнюса*

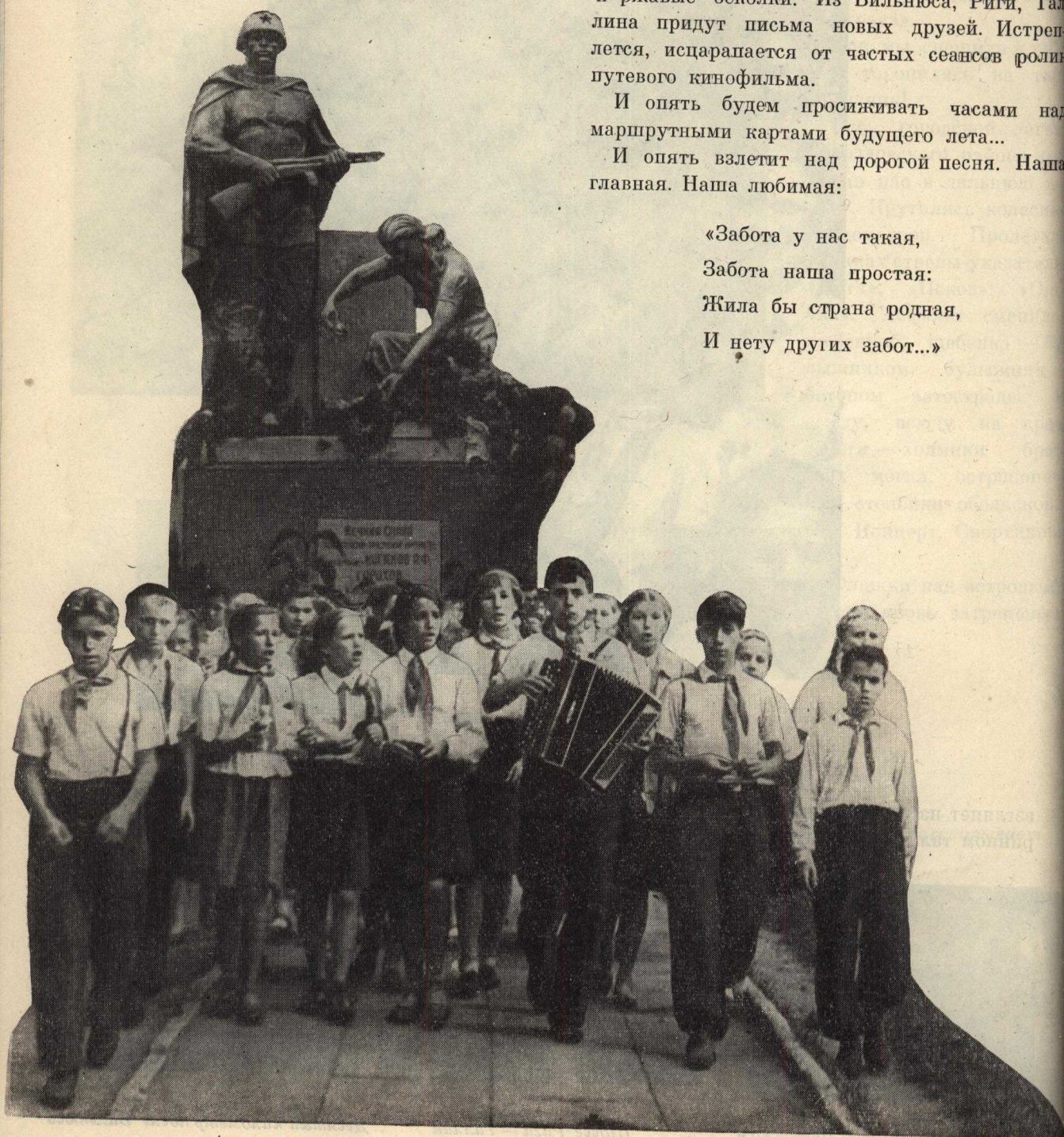
Два автобуса и грузовой фургон, пятеро шоферов, пятеро вожатых, девяносто пионеров-ленинградцев, — мы вернемся домой, в свой город, который девятьсот дней боролся в кольце блокады.

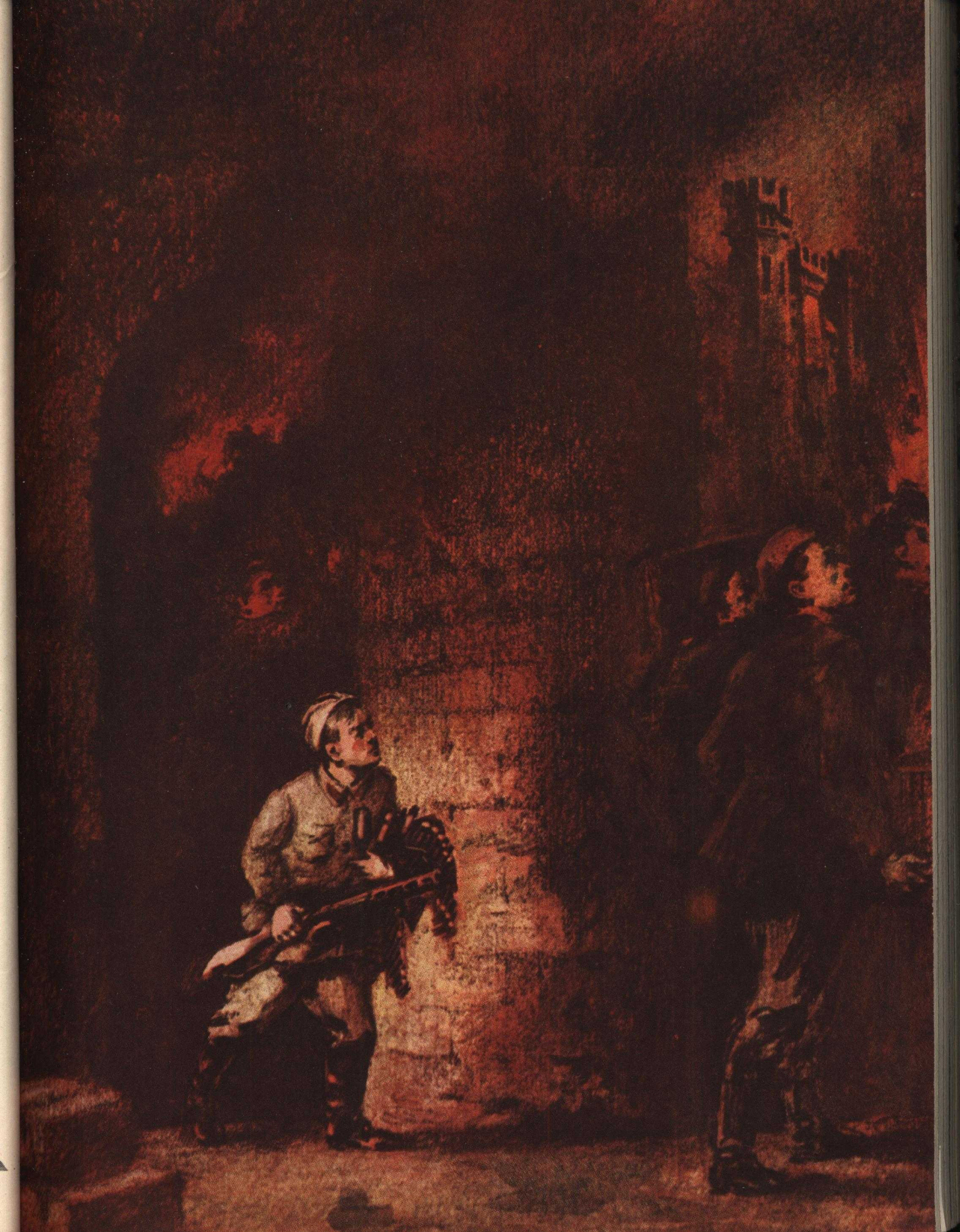
Лягут под стекла витрин почерневшие гильзы и ржавые осколки. Из Вильнюса, Риги, Таллина придут письма новых друзей. Истреплется, исцарапается от частых сеансов ролик путевого кинофильма.

И опять будем просиживать часами над маршрутными картами будущего лета...

И опять взлетит над дорогой песня. Наша главная. Наша любимая:

«Забота у нас такая,
Забота наша простая:
Жила бы страна родная,
И нету других забот...»

ПЕРВЫЙ ХЛЕБ РОДИНЕ

Саша Кошмин, 12 лет

НА АЭРОДРОМЕ

Серезжа Гришин, 12 лет, Ленинград

Шутка

$a + b = \text{любо}$

Ю. Токин

Рисунки Н. Лямина

Когда я вошел в класс, на местах оказались всего несколько человек. Остальные сгруппировались в углу возле Кости Радужного. Он что-то рассказывал. Увидев меня, ребята со смехом расселись по своим партам. Впрочем, «расселись» — это не то слово. Они разбежались по классу, толкаясь, перепрыгивая через парты, стараясь шуметь как можно больше. В проходе у окна они устроили пробку. Они давили друг на друга, делая вид, что очень торопятся: им не терпится сесть на место, но... ничего не поделаешь — «пробка»!

Я ждал. Я уже успел привыкнуть к своему классу. Они считали, что в первые десять минут после каникул им позволено все. Эти десять минут — их право, которое они сами себе присвоили, но я не оспаривал этого права. Мой класс любил делать вид, что поступает так, как ему хочется. И я давно уже решил, что не стоит изображать из себя непримиримого человека, который не может подарить им десять минут в четверть.

Наконец они уселись.

— Здравствуйте, шестой-«а»! — сказал я.

— Здравствуйте, Юрий Васильевич, — отозвался один.

— Юрий Васильевич, здравствуйте, — сказал другой.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — говорили они по очереди, и, наконец, из дальнего угла класса послышалось тихо, но отчетливо:

— Юрий, здравствуй, Васильевич!

Да, это был мой класс. Они ничуть не изменились за две недели. Здраваться по очереди (опять же — в первый день) было их выдумкой, которой они очень гордились.

— Ну, каникулы кончились, — сказал я.

— Каникулы кончились, — грустно повторил Костя Радужный.

— Кончились каникулы... — вздохнули на первой парте.

— Совсем кончились, — донеслось из угла.

— Начисто! — подтвердили на первой парте.

Ничуть не скрываясь, они смотрели прямо на меня и сияли от удовольствия, потому что поступали так, как им хотелось.

— Ну и хорошо, — сказал я. — А теперь доставайте новые тетради в клетку. Мы приступаем к изучению алгебры.

Зашелкали замки портфелей, в последний раз стукнули крышки парт, и в классе установилась тишина. Десять минут прошло.

— Итак, — начал я, — раньше мы с вами имели дело только с числами. Если нам нужно было произвести сложение, мы писали так.

Я подошел к доске и написал:

$$2 + 3 = 5$$

— Теперь представьте себе, что нам нужно записать сложение не двойки и тройки, а каких-то двух других чисел. Любых. Как поступить в этом случае? Давайте попробуем заменить цифры буквами.

И я написал на доске:

Вместо 2 подставим а.

Вместо 3 подставим в.

Тогда имеем:

$$2 + 3 = 5 \text{ или } a + b = \dots$$

Я не успел написать, чему равна сумма. С последней парты, где сидел Костя Радужный, послышался шепот. Потом зашептались другие. Кто-то хихикнул, и вслед за ним рассмеялся весь класс.

— В чем дело? — спросил я.

За партой поднялся Радужный. Весь класс с надеждой смотрел на него.

Костя радостно объявил:

— Юрий Васильевич, вы лучше напишите другие буквы, а то мы все равно будем смеяться.

— Почему?

— А потому, — сказал Костя, — что когда мы читаем эти буквы, у нас получается не «а» плюс «бэ». Получается «а» плюс «вэ».

Снова раскатился по классу дружный смех. Теперь все смотрели уже не на Костю, а на вторую парту в левой колонке, где рядом сидели Аня Мельникова и Володя Ефремов.

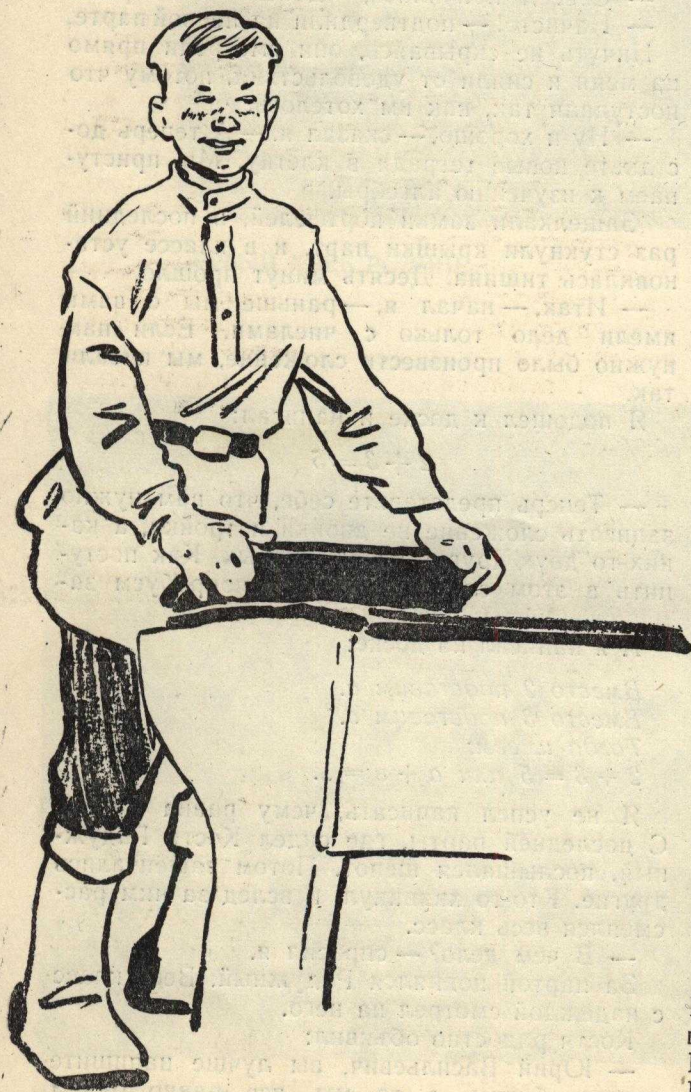
— Не осли, Радужный! — выкрикнул со своего места Коля Боков.

Я сделал вид, что ничего не понял.

— Сядь, Радужный! Ты прекрасно знаешь, что в математике русское «вэ» читается как «бэ».

И я дописал:

$$a+b=c$$

Ребята уткнулись в свои тетради. Еще минута, и формула эта, в том смысле, в каком понимал ее Костя, была бы забыта навсегда. Но Костя считался самым остроумным человеком в классе. Он очень дорожил своей славой.

— Юрий Васильевич, — сказал он, — если вы пишете «а» плюс «вэ», то справа нужно поставить другую букву...

— Какую букву? — спросил я, глядя прямо на Костю. Я думал, что он не посмеет сказать, и тогда все кончится само собой. Но если можно рассмешить класс, Костя себя не щадит.

— Букву «эл»! — выпалил он.

Опять грохнул смех. Кто-то от восторга затопал ногами. Аня Мельникова покраснела. Володя Ефремов сидел, повернувшись к окну, и не отрываясь смотрел на белую равнину заморзшей бухты. Он как будто ничего не слышал, но я видел, как медленно, почти незаметно, он отодвигается от Ани на край скамейки.

— Радужный, выйди из класса! — сказала я.

...На другой день Костя привел в школу мать. Она теребила руками углы платка и усталым голосом говорила привычные извинения. Я всего второй год работаю в школе, и мне было неловко, что передо мной извиняется и просит за сына такая пожилая женщина. Я был рад, когда она ушла.

Два дня Радужный сидел как мертвый, и я уже забыл об этой истории с буквами. В конце недели я вызвал к доске Аню.

— Напиши алгебраическую сумму.

Аня взяла мел и аккуратно вывела на доске:

$$a+b=...$$

Рука ее задержалась всего на секунду, но это решило дело.

— Эл! — донеслось из глубины класса.

— Кто это сказал?

— Я, — встал Радужный. — Извините, Юрий Васильевич. Вы же сами говорите, что у меня язык бежит впереди мыслей. Я только подумал, а оно само вырвалось.

Я видел, что Радужный говорит правду: «оно» действительно само вырвалось.

— Тебе нужно извиняться не передо мною.

— Конечно, — сказал Костя. — Я понимаю, Юрий Васильевич. — Он взглянул на Аню и вежливо — слишком вежливо — произнес: — Извини, Аня. — Затем обернулся к Володе. — И ты, Ефремов, извини, пожалуйста.

Костя вздохнул и поморщился. Он страдал. Он просто изнемогал от раскаяния. В голосе его было столько нежности, что шестой-«а» прямо-таки взвыл от восторга. Один лишь Коля Боков не засмеялся и презрительно пожал плечами.

Аня положила мел и, ссутулившись, пошла к своей парте. Она подняла крышку и села на самый край скамьи, словно боялась испачкаться о Володю. Володя покраснел и сжал кулаки. Мне показалось, что он сейчас бросится на Радужного.

Но шестой-«а», самый дружный, самый горластый класс нашей школы, не научился еще быть добрым. Он не замечал ничего. Ему было весело, и он смеялся, а все остальное не имело никакого значения.

Эту историю с формулой надо было прекращать, пока не поздно.

— Вот что, друзья, — сказал я, когда ребята немного успокоились. — Это очень скверно — то, что вы сейчас делаете.

И я произнес речь. Прекрасную речь! Я говорил о том, что на грубость можно ответить грубостью, на удар — ударом. Но что можно сделать, когда над тобой смеются? Не оскорбляют, не бьют, а только смеются... Можно прикрыться от кулака и от пули... Но от смеха защиты нет!

Я говорил долго и горячо. Мне самому понравилась моя речь. Я гордился тем, что нашел понятные ребятам слова. Они слушали внимательно, и когда, закончив, я спросил: «Ясно?», они хором отозвались: «Ясно!»

В тот день у меня было великолепное настроение.

А на следующее утро перед уроком на бортике доски появилась надпись:

$a + b = \text{любовь}$.

Я заметил ее сразу, как только вошел. Я обвел взглядом класс.

Передо мной сидели ангелы: локти на партах, тетради развернуты, возле каждого промокاشка. Внимательные, серьезные, с честными глазами — таких рисуют на плакатах. Они

не замечали никакой формулы! Они пришли сюда учиться, только учиться...

Надо сказать, я здорово разозлился из-за того, что моя вчерашняя речь пропала даром. И я уже собирался начать следствие. Но пока я перелистывал журнал, мне пришла в голову мысль, что этого как раз не следует делать. Ведь получалось так, что каждое мое слово, сказанное в защиту Ани и Володи, оборачивалось против них. Я только лишний раз привлекал внимание ребят к этой формуле.

— Дежурный, сотри с доски.

Класс вздохнул: пронесло!

Урок прошел спокойно.

В перемену ко мне подошел Володя.

— Юрий Васильевич, можно, я пересяду на другую парту?

Я был классным руководителем и должен был спросить: почему? Но я не спросил, хотя во мне все сильнее поднималось раздражение.

Не мог же я без конца делать вид, что ничего не понимаю.

— Хорошо, садись.

— Спасибо... — сказал Володя и ушел, так и не взглянув на меня.

Во время большой перемены в учительскую зашел Коля Боков.

— Юрий Васильевич, — прошептал он, отведя меня в сторону, — ведь ребята поступают нехорошо. Я — про «а + в».

— Отвратительно. Вот так и скажи ребятам, если это повторится.

— Конечно, — сказал Коля. — Какое нам дело, если они влюбились! — Он посмотрел на меня, словно проверяя, как я отнесусь к этому слову.

— Вот именно, какое вам дело! — твердо сказал я.

— Это просто не по-пионерски, — добавил Коля.

Странный был парнишка Боков. Он очень любил говорить правильные слова. Уже не в первый раз он подходил ко мне с такими разговорами. И вид у него был какой-то правильный: румяные щеки, белый воротничок, гимнастерка аккуратно собрана сзади. Порядочный, скромный мальчик. Но я знал, что Боков тайно завидует Радужному. В прошлом году они долго соревновались в остроумии. Но класс не оценил Колиных острот: всем было видно, что он очень старается. Получалось умнее, чем нужно. Класс предпочел Радужного.

«Что ему надо от меня сейчас?» — подумал я.

— Верно, не по-пионерски, — повторил я вслед за Боковым. — Только почему ты говоришь об этом мне? Скажи тому, кто пишет на доске глупости. Ты знаешь, кто написал?

Боков покраснел.

— Ну... вообще... как бы сказать...

— Радужный?

— Ну... вообще... я сам-то не видел...

Боков опустил голову. Пальцы его забарабанили по пряжке. Всем своим видом он показывал, что я угадал правильно.

«А, дружок, — подумал я, — ты пришел выдать Радужного. Ты не решаешься сделать это прямо, но ведь можно не сказать, а показать...»

— Ну что же, — я пожал плечами, — если ты не видел, тогда и говорить не о чем. Иди в класс.

После уроков я задержал Радужного.

— Слушай, Костя, если я еще увижу на доске эти надписи, будет плохо.

— Кому?

— Тому, кто пишет.

— Да ведь ничего особенного нет, — сказал Костя. — Мы просто шутим. А они уж очень заводятся. Вы же знаете, если человек обижается на шутки, его еще больше хочется дразнить.

— Да за что их дразнить? — возмутился я.

— Так... Ну, ходят они всегда вместе... Письма пишут друг дружке... Чего им писать, если они рядом живут? Смешно ведь... Вот смотрите, Юрий Васильевич, видите, Мельникова идет?

Я взглянул в окно, куда показывал Костя. По двору школы медленно шла Аня. Она миновала ворота, осмотрелась и повернула за угол дома.

Костя расплылся в улыбке.

— А за углом Ефремов стоит! Думает, он хитрее всех... Смотрите, смотрите! Видите, где забор?..

В просвете между домами снова появилась Аня. Но теперь рядом с ней шел Володя.

— Во как! — торжествующе воскликнул Костя.

— Ну вот что, Радужный, — сухо сказал я. — Или на доске больше не будет этих плюсов, или...

— А это не я писал, — беззаботно сказал Костя.

— Кто же?

— Не знаю.

— А я тебе не верю.

— Пожалуйста. — Костя сделал обиженное лицо. — Мне всегда не верят. Чуть что, так — Радужный...

Но я-то уже насмотрелся на Костю. Он в любой момент мог сделать лицо какое угодно. И я, конечно, не поверил ему. Я оказался прав, потому что с этого дня надписи прекратились.

Прошел целый месяц. Класс как будто забыл о Володе и Ане. И они, уже не скрываясь, уходили из школы вместе, хотя по-прежнему сидели на разных партах. Я был доволен, что все забыто и ничто больше не отвлекает класс от занятий.

Но я ошибался. Ребята ничего не забывали. Вернее, кто-то из них...

Наш городок небольшой, наполовину деревянный, наполовину каменный. С трех сторон окружает нас кольцо высоких гряд и лишь в одном месте кольцо это размыкается, чтобы пропустить море. Море подходит к городу широкой бухтой. Школа стоит на пригорке, у самой бухты. И это плохо.

Даже сквозь двойные рамы доносятся в класс грохот якорных цепей и тархтеные мотоботов. Ребята, увидев в окне траулер, идущий в море, начинают спорить — куда?

Одни говорят — на Айновы острова, другие — на Великий. Начинают спорить они в перемену, но спор иногда затягивается. Тогда спорят и на уроке, только шепотом.

Левее, пониже школы, течет река Нива. И это тоже плохо. Приливная волна заходит в реку, и ребятам, сидящим у окна, доставляет необъяснимое удовольствие следить за подъемом воды и гадать, скоро ли скроется островок на середине реки.

Для учителя самое хорошее время — зима. Она у нас долгая. Не летают гидросамолеты, стоят траулеры. Залив белый и ровный, не на чем задержаться взгляду. Нива, промерзшая, покрытая снегом, не шелохнется. А над ней отвесная стенка утеса — «Барыня». Кругом снег да камень. Хорошо! Зимой даже успеваемость лучше.

Но эта зима была какая-то особенная.

В один из февральских дней, войдя в класс, я увидел, что ребята сгрудились у окна, выходящего к Ниве. Они толкались, лезли друг на друга, смеялись. Они были так возбуждены, что мне пришлось потратить пять минут, чтобы их успокоить.

— Что вы там увидели?

— А вы посмотрите, — сияя, сказал Радужный.

Я подошел к окну. Плоская белая Нива. Пушистые от инея провода высоковольтной передачи. Баркасы на берегу, занесенные снегом. «Барыня». Все обычно... И вдруг я увидел: «Барыня»! На темной отвесной стене «Барыни» громадными белыми буквами было выведено:

$$A + B = L$$

Буквы большие, почти в рост человека.

Я повернулся к ребятам. Они сразу притихли.

— Ну что ж, молодцы!.. — сказал я.

Они переглянулись. По выражению моего лица они, конечно, поняли, что я не собираюсь радоваться вместе с ними.

— А, может, это и не мы... — пробурчал кто-то в глубине класса.

И тогда они задвигались и зашумели. Они закричали: одни с обидой, другие — с возмущением, третьи — просто так, чтобы покричать.

— Да! Не мы!

— Не мы, Юрий Васильевич!

— Мы сами не знаем!

— Мы что, виноваты?

Я посмотрел на Радужного. Он тоже кричал что-то, но, встретившись со мной взглядом, осекся, выпятил губы и уткнулся носом в парту.

«Он!» — подумал я.

После уроков я снова задержал его. Я был настолько уверен, что разговаривал с ним очень сурово. Он стоял, покраснев, надувшись, и отрицал все. Он не писал на доске. Он не писал на скале. У него даже нет краски, пускай хоть обыск делают.

— Но кто же тогда?

— Не знаю, — угрюмо ответил Радужный. — А если знал бы, не сказал. Пусть сам признается.

Я ничего не добился от Радужного.

Положение было не очень приятное. Ребята, кажется, действительно не знали, кто написал буквы. Но кто-то один в классе должен был знать. Как заставить его сознаться? Я был уверен, что это сделал Радужный. Но как заставить сознаться Радужного, если он не хочет? И вообще, кто я такой — учитель или сыщик?

Итак, я все больше запутывался в этой истории. А она, кажется, еще только начиналась. С этого дня все, что имело отношение к Володе и Ане, отражалось на скале. Они перестали друг с другом разговаривать. Это заметил я, а уж ребята и подавно. И немедленно на «Барыне» появилась надпись:

$A + B = ?$

Буква «Л» была переделана на знак вопроса — громадный знак вопроса, видный, наверное, с любой возвышенной точки города.

В один из вечеров я пошел к «Барыне». В глубине души я надеялся, что мне повезет, и я встречу там человека, писавшего эти буквы.

Я перешел Ниву, утопая в глубоком снегу. В сумерках поднималась надо мной громада «Барыни». В обход, по крутому склону, я взобрался до половины утеса и подошел к на-

чалу узкого карниза. Мне захотелось вблизи посмотреть на эти буквы. Карниз косо шел вверх. Он был шириной в три ладони, с неровными, источенными краями.

Я осторожно ступил на него и, прижимаясь грудью к скале, сделал первый шаг. Нашарив рукой небольшой выступ, я уцепился за него и сделал второй шаг. Крутой склон остался слева, совсем рядом. Но все же и это был

склон, а не отвесная стена. На нем можно было стоять, прыгать и даже падать. А за спиной была пустота. Я слышал, как глубоко внизу с тихим шорохом текут струи поземки. Это просто удивительно, как можно спиной чувствовать пустоту. Она рядом, она притяги-

вает, и в такие минуты самым большим счастьем кажется стоять на твердой земле, просто стоять и ничего больше.

Голые пальцы коченели от холода. Пересиливая себя, я сделал третий шаг. Перекладывая буквы «А» находилась на уровне живота. Опустив одну руку, я колупнул чешуйку застывшей белой краски и слегка качнулся. Всего на несколько сантиметров... Стена медленно поплыла от меня. Не успев еще ничего подумать, я протянул руку и опять схватился за выступ.

Надо признаться, что эти несколько секунд были самыми неприятными в моей жизни. Когда я вернулся на склон и начал спускаться, у меня дрожали ноги и нижняя рубашка прилипла к спине. Мне было жарко, несмотря на мороз градусов в двадцать пять.

Только дома я осознал, насколько рискованным было мое путешествие. А ведь тот, кто писал эти буквы, пробирался по карнизу, держа в руках кисть и банку с краской. Видно, шутник этот был не из трусливых. И все то же подозрение вернулось ко мне. Радужный! Радужный, который не щадит ни себя, ни других, если можно заслужить одобрение класса.

Через несколько дней я встретил Володю и Аню у кинотеатра. Я хотел подойти к ним и сказать, что не стоит обращать внимания на глупую и злую шутку. Но Володя увидел меня раньше, чем я подошел и, резко повернувшись, зашагал прочь.

— Володя! У меня же билеты! — крикнула Аня.

Володя остановился. Лицо его, освещенное синим огнем рекламы, показалось мне очень злым.

— Можешь порвать свои билеты, — сказал он, глядя куда-то между мной и Аней.

Он шагнул в темноту улицы и пропал. Я посмотрел на Аню. Она с трудом сдерживала слезы. Я не умею утешать девочек и снова — в который раз! — сделал вид, что ничего не заметил, подошел к кассе, купил билет и во второй раз посмотрел картину «Миколка-паровоз».

Володя и Аня дружили давно, ребята говорили, — с первого класса. Теперь эта дружба распалась из-за неумной и злой шутки. Нужно было во что бы то ни стало прекратить проделки неизвестного «художника». И я решился на поступок, который не очень-то нравился мне самому. Я вызвал Бокова.

— Коля, — сказал я, — из нашего разговора в учительской — помнишь? — я понял, что ты знаешь, кто писал на доске. Он же, наверное, пишет и на «Барыне». Скажи мне — кто? Я не

буду его наказывать. Мы вместе с тобой пойдем сейчас к этому ученику и поговорим с ним. Иначе ему будет хуже — рано или поздно это откроется.

Боков смутился и покраснел. Я понимал его. Никогда и никому из ребят я не задавал подобных вопросов. Но все-таки я настаивал.

— Ну?..

— Не знаю, Юрий Васильевич.

— Я не верю, что ты не знаешь. Но дело не в этом. Разве ты не понимаешь, что это просто подло — так относиться к товарищам. Ведь они ваши друзья. Чем они вам помешали?

Боков переступил с ноги на ногу и одернул рубаху. Он не глядел на меня. Этот разговор был ему явно неприятен.

— Да весь класс не знает, — сказал он. — Все хотят узнать и не могут.

— А кто писал на доске?

— На какой доске?

— В самом начале четверти. На бортике.

— А вы разве не знаете?

— Нет.

Боков проглотил слюну. Брови его сдвинулись над переносьем. Он думал, мучительно думал. Я подошел к окну, чтобы не мешать ему: пусть решает сам.

— А почему вы спрашиваете меня? — осторожно спросил Боков.

— Я же объяснил. Мне показалось, что ты можешь знать.

Боков снова помолчал.

— Нет, — сказал он наконец, — я тоже не знаю.

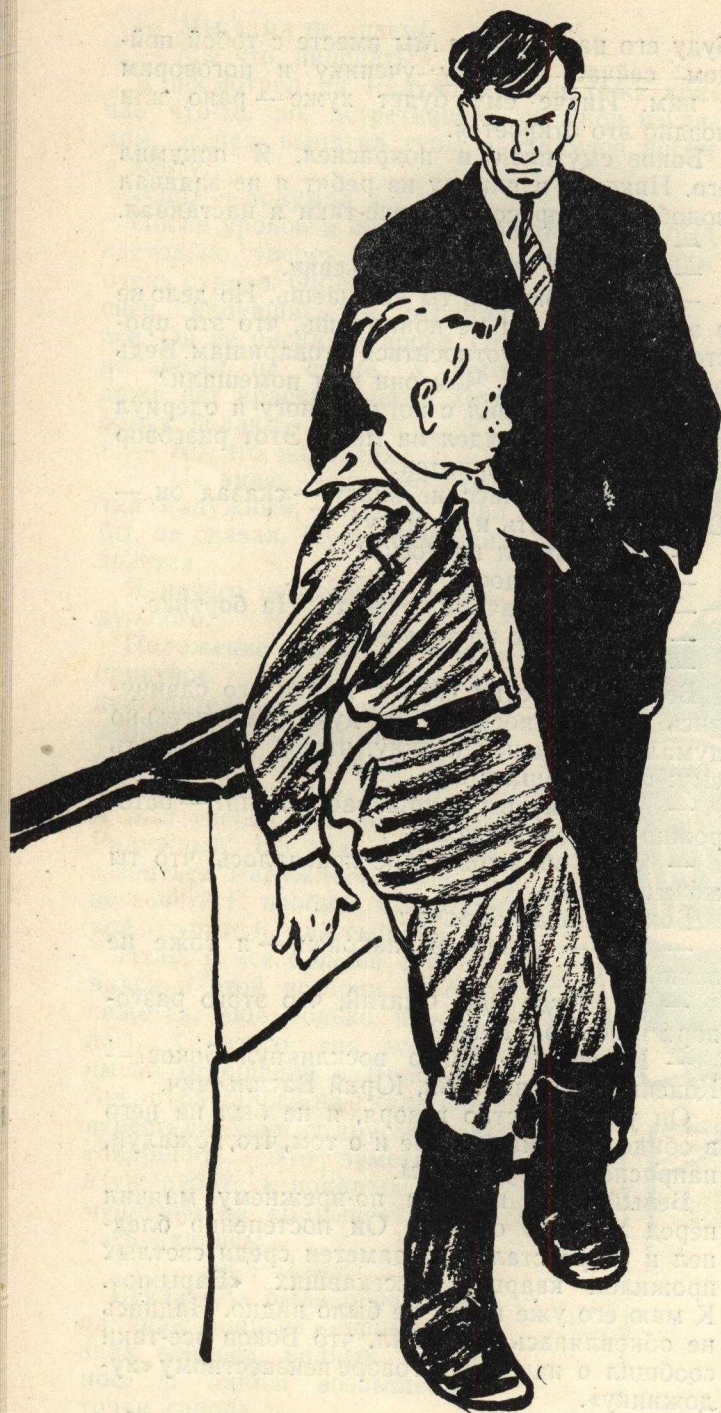
— Ну, тогда иди. Считай, что этого разговора не было. Понял?

— Конечно! — горячо воскликнул Боков. — Конечно! До свиданья, Юрий Васильевич.

Он ушел. Честно говоря, я не был на него в обиде. Я думал о себе и о том, что, пожалуй, напрасно стал учителем.

Белый знак вопроса по-прежнему маячил перед нашими окнами. Он постепенно бледнел и скоро стал едва заметен среди светлых прожилок кварца, рассекавших «Барыню». К маю его уже почти не было видно. Надпись не обновлялась. Я решил, что Боков все-таки сообщил о нашем разговоре неизвестному «художнику».

Праздник 1 Мая отгремел пионерскими барабанами, звуками горна и оркестром. По главной улице ребята колоннами прошли к морю и зажгли костер. Они двигались шеренгами по восемь человек, взявшись за руки, веселые и дурашливо-шумные. Володя с Аней шли в одной шеренге, рядом. И так же, как все, они пели песни и бросали в передние ряды комками мокрого снега.

А третьего мая на «Барыне» засияла свежая надпись:

$A + B = !!!$

В этот день ни Мельникова ни Ефремов не пришли в школу.

Я объяснял урок, и внутри у меня все ки-

пело. Не знаю, что я сделал бы, попади мне под руку этот «художник». Ребята видно чувствовали мое настроение. Никто не смотрел в окно, никто не улыбался. Они сидели тихи и немного растерянные.

Прозвенел звонок.

— После уроков — собрание! — бросил я и вышел из класса.

Последний урок я проводил не в своем классе. Примерно в середине урока мне послышалось какое-то бормотанье, как будто вдали говорили несколько человек сразу. Звуки доносились с улицы. Продолжая объяснять, я подошел к окну. Возле «Барыни» стояла толпа. Два человека отделились от этой толпы. Они несли третьего.

Все еще не веря своей догадке, я взглянул на стену, туда, где был карниз. Там оставалась лишь часть надписи. Буква «А» и половина буквы «В» были замазаны чем-то черным.

И уже не глядя на тех двоих, я знал, что они несут Володю Ефремова.

Они поднялись на гору и скрылись за углом поликлиники. А я все стоял у окна и никак не мог вспомнить, на чем я прервал объяснение.

Я вернулся к столу. Ребята смотрели на меня с недоумением.

— Мне нужно отлучиться на пятнадцать минут. Сидите тихо, — сказал я и вышел из класса.

Я прибежал в поликлинику без пальто. Отшвырнув сторожа, который пытался меня задержать, я вбежал в операционную. Человек в белом халате мыл руки. Володи не было.

— Что с ним?

Доктор повернулся.

— Нужно лучше смотреть за своим сыном, молодой человек, — сказал он хмурясь.

— Он не мой... Что с ним?

— Пожалуй, пожалуй, — задумчиво отозвался доктор, — вы еще слишком молоды для такого сына. Так почему тогда вы лезете в операционную?

— Я учитель.

— Значит, надо лучше смотреть за своими учениками, — невозмутимо произнес доктор и принялся вытирать каждый палец в отдельности.

— Я вас спрашиваю, что с ним? — Мне хотелось убить этого доктора.

— Ничего особенного, — доктор вытер одну руку и принялся за следующую. — Вашему, как вы говорите, ученику повезло так, как везет один раз в жизни. У него вывих плечевого сустава. Сейчас он поорет немного, пока мы будем вправлять, и через несколько дней

будет здоров. А теперь, будьте любезны, выйдите.

— Спасибо! Спасибо, доктор! — сказал я. Мне хотелось обнять его.

Я вернулся в школу к концу пятого урока. Мой класс встал мне навстречу. Они уже все знали, я понял это по их лицам.

— На сегодня собрание отменяется, — сказал я.

Но они не вышли, а сели. Остался стоять только Радужный.

— Юрий Васильевич, — сказал он, — у нас

к вам большая просьба. Извините, но мы просим вас на десять минут выйти из класса.

— Зачем?

— Мы вам все объясним. Пожалуйста...

Я вышел. За дверью сразу поднялся такой шум, что мне захотелось вернуться. Но я честно выдержал десять минут по своим часам.

— Пора, Юрий Васильевич, — объявил Костя. — Давай, ребята!

Класс поднялся дружно, как по команде. Они вышли из-за своих парт и столпились возле доски — все двадцать семь. За партой

остался один человек — Боков. У него были смертельно испуганные глаза. И лицо его было бледным, как та краска, которой была выведена надпись на «Барыне».

— Юрий Васильевич, — продолжал Костя, — когда человек занимается малярным делом, то у него на валенках остается белая краска... Мы осмотрели всех до одного. Возможно, я буду говорить дальше?

Я кивнул. Я не хотел вмешиваться, потому что боялся за себя в эту минуту.

— А теперь мы просим Бокова выйти из класса, — сказал Костя. — Мы просто умоляем!

Боков медленно поднялся.

— Это не я, — сказал он. У него дрожали губы и, скажу по-честному, на какое-то мгновение мне даже стало его жалко.

— А кто? Кто? Тогда скажи! — закричали ребята все сразу.

— Вы его не знаете.

— Нет, знаем, — отозвался Костя. — Это — ты. И уходи вон!

— Юрий Васильевич, — обратился ко мне Боков. — Можно, я вам одному?.. Можно с вами выйти?

— Нет, говори при всех!

Боков поднял голову. Ребята, покрасневшие, возбужденные, смотрели на него в упор. Они стояли, как солдаты, — плечом к плечу. Те же самые ребята, которые радовались когда-то Костиным выходкам... Но сейчас они не собирались ничего прощать.

Боков отвернулся и, не глядя ни на кого, пошел к выходу.

— Ребята, он забыл портфель! — воскликнул Костя.

Несколько человек подбежали к парте Бокова. Портфель, тетради, лежавшие сверху, авторучка и недоеденный завтрак пролетели через весь класс и шлепнулись у двери.

Боков не подобрал ничего. Он ушел, и класс проводил его молчанием.

Вечером Боков догнал меня на улице.

— Юрий Васильевич, — сказал он, заглядывая мне в лицо, — это не я. Честное слово, не я!

— Почему же ты ушел из класса и ничего не объяснил ребятам?

— Все из-за краски... Я только подавал банку с краской. На меня случайно капнуло, а писал не я. Я рядом стоял.

— Кто писал?

— Мой знакомый. Он из другой школы. Я с ним почти не дружу... Я рассказал ему, а он говорит: «Давай напишем». А я согласился... Но я только краску подавал... и еще размешивал. Извините, Юрий Васильевич. Больше не буду. Я ведь честно признался... Хотите, я вам его адрес скажу? Красная улица, дом девять, квартира...

— Не нужно квартиры, — перебил я. — Думаю, Боков, тебе лучше уйти из нашей школы. Самому.

— Я же честно признался... — растерянно повторил Боков.

На другой день мать Бокова принесла заявление о переводе сына в другую школу. Она даже не пыталась увидеться со мной и прошла прямо к директору. Директор не возражал.

За лето надпись на скале выгорела, поблекла и осенние дожди стерли ее окончательно.

Володя давно уже совсем здоров. Но они с Аней по-прежнему сидят на разных партах.

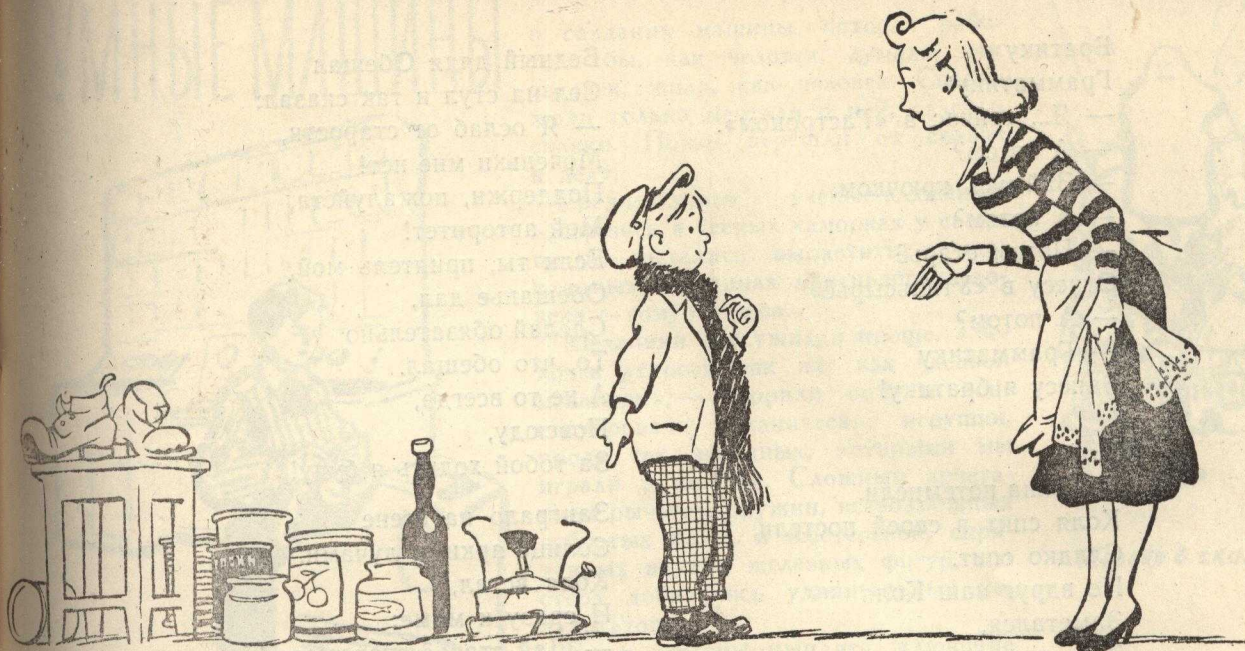
ПОЛУЧИЛ „ЧЕТВЕРКУ“ БОРЯ...

Получил „четверку“ Боря,
И — учебник под кровать.
Дескать, вызовут не скоро,
Можно вволю погулять.
Он пошел спокойно в класс.
Полурока, как сорока,
Проболтал,

А тут как раз
Вызывают.
Вот так случай!
Ведь вчера же отвечал...

А, конечно, было б лучше,
Если б книжку не бросал.

Саша Скоков, ученик 8-го класса средней железнодорожной школы № 77, станция Тихорецкая

КОЛЯ ОБЕЩАЕТ

Н. Глейзаров

Рисунки Б. Семенова

Как-то мама
Утром ранним
Всю квартиру подмела
И на кухне и в чулане
Все в порядок привела.
И сказала мама Коле:
— Я собрала всё старьё,
Ты бы, милый Коля, что ли,
Снес старьё
В «Утильсырьё»!
Снес бы тряпки, банки, кости,
Старый примус,
Башмаки,
А придёт зима к нам в гости —
Я куплю тебе коньки.

Коля маме отвечает:
— Отнесу и сдам в ларек.
— Обещаешь?
— Обещаю!
И ушёл гулять сынок.

Коля вышел за ворота,
Встретил дедушку Федота.
— Обещал ты мне, внучок,
Починить дверной крючок.

Коля деду отвечал:
— Обещать-то обещал,
Но я должен тёте Оле,
У которой болен сын,
Принести кило фасоли,
А для сына —
Апельсин.
Я бегом —
В «Гастроном»,
А потом
Займусь крючком!

Коля только от ворот,
А навстречу Петр идёт.
— Коля, что ж не забежал
К моему ты братику?
Принести ты обещал

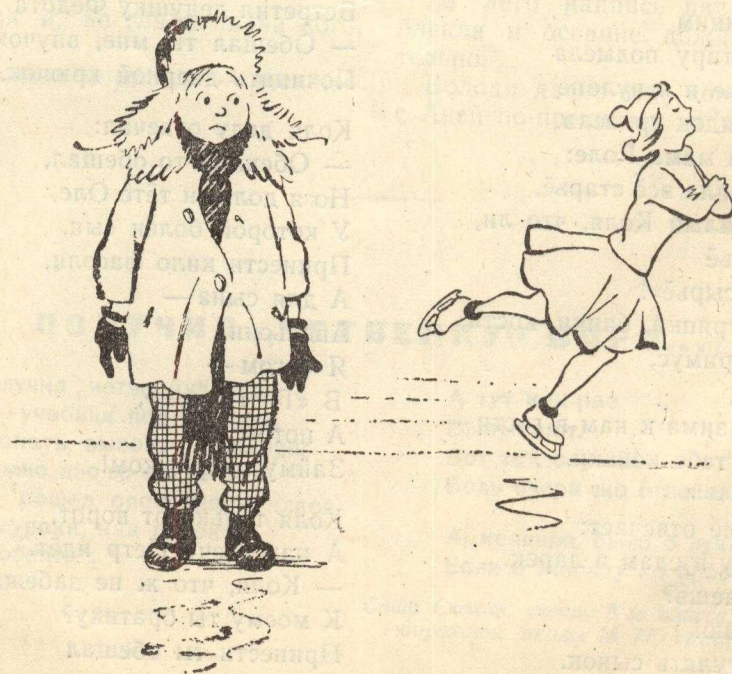
Братику
Грамматику!
— Я... сейчас в «Гастроном».
— А потом?
— Займусь крючком.
— А потом?
— Потом старьё
Отнесу в «Утильсырьё»!
— А потом?
— Грамматику
Занесу я братику!

Ночь.
Все окна потемнели.
Коля спит в своей постели.
Сладко спит.
Но вдруг наш Коля
Заметался,
Застонал.
В комнату с кульком фасоли
Входит дядя Обещал!
Коля видит:
Над кульком
Нос висит дверным крючком,
А в руке грамматика
Петиного
Братика!

Бедный дядя Обещал
Сел на стул и так сказал:
— Я ослаб от старости,
Моченьки мне нет!
Поддержи, пожалуйста,
Мой авторитет!
Если ты, приятель мой,
Обещанье дал,
Сделай обязательно
То, что обещал.
А не то всегда,
Повсюду,
За тобой ходить я буду!

Заиграло на стене
Солнце яркими лучами.
Коля встал,
И сразу к маме:
— Дай старьё скорее мне!

Мама брови поднимает,
Мама Колю отвечает:
— Я вчера сама старьё
Отнесла в «Утильсырьё».
Там я деньги получила,
Забегала в магазин
И коньки... себе купила,
Сделай вывод, милый сын!

УМНЫЕ МАШИНЫ

Л. Глуман

Рисунки В. Равкина

Тряслась посуда на полках. Люди выбегали из домов в дождь и ветер кривых запутанных улиц. Бегство было молчаливым — от страха люди забывали кричать. Ветер срывал с них шляпы и катил их на север, а с юга надвигалось жарено и приближались неторопливые шаги какого-то тяжелого существа, сотрясавшего землю...

Это очень страшная легенда — о зловещем глиняном великане по имени Голем. Если вы видели чехословацкий кинофильм «Пекарь императора», то помните, каким сильным и жестоким был Голем и как трудно было людям с ним справиться.

Легенда эта очень характерна. С давних пор людей занимает мысль

о создании машины, которая работала бы, как человек, думала, как человек, жила, как человек. Сперва люди только мечтали о ней, слагали сказки. Потом перешли от сказок к делу.

Средневековые ученые-алхимики, запершись в тесных каморках у своих печей, пытались вырастить в стеклянных посудах маленького человека — гомункулюса...

Механики рассуждали проще. «Человек устроен так же, как часовой механизм», — говорили они, и конструировали механические игрушки, вроде тех заводных, которыми мы играли в детстве. Сложным сочетанием рычагов, пружин, всевозможных зубчатых колес и шестеренок, спрятанных внутри железных фигур, мастера добивались удивительных результатов.

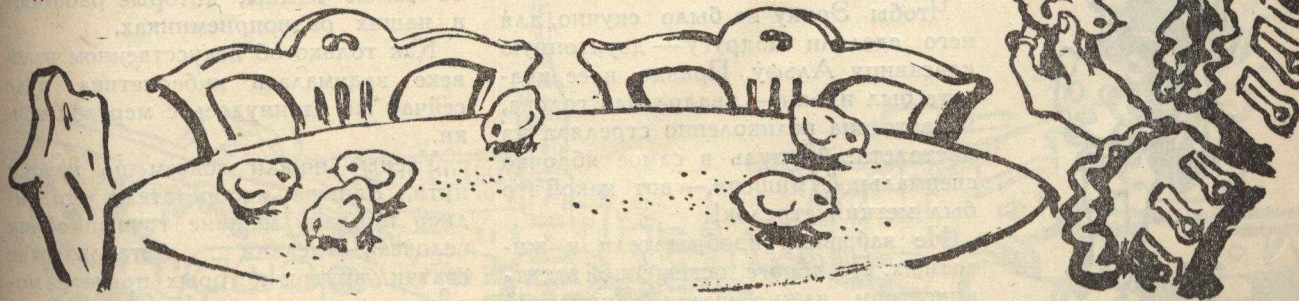
Были сделаны цыплята, клюющие зерно, утки, плавающие в пруду, обезьяны, прыгающие по дереву. Появились механические люди, которые вставали, ходили, могли переписать страничку текста, могли сыграть на старинном инструменте — клавишине какую-нибудь нехитрую мелодию. Но они не умели «думать», эти машины, внутри них находились простые устройства, вроде устройств наших часов, и, конечно, на человека они были похожи только внешне.

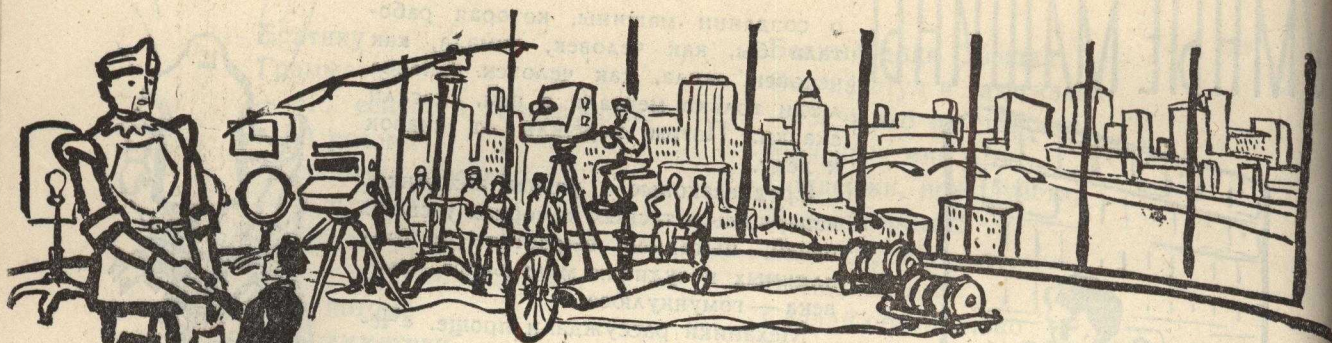
Правда, одному изобретателю удалось перехитрить остальных. Изобретатель объявил, что построил автомат, умеющий играть в шахматы. Те, кто играют в шахматы, знают, что это очень сложная игра. Поэтому все удивились, что машина может думать, как человек, выбирать наилучшие ходы и не «зевать» фигуры. Но скоро выяснилось, что вся затея — сплошное жульничество, и внутри автомата спрятан шахматист. Так и провалилась с позором первая «по-

Только в сказке

Первые шаги

Эрик

Альфа

Филидог

настоящему думающая» машина. Изобретатели зашли в тупик и на время прекратили поиски.

Поиски возобновились спустя век с лишним. Люди-игрушки получили глаза — фотоэлементы, уши — микрофоны, мощные мускулы — электромоторы, голоса — звуковоспроизводящие аппараты. Настала эра роботов — тяжелых электрических людей, похожих на закованных в латы рыцарей.

В свое время такими автоматами очень увлекались. Их показывали на специальных выставках, о них писали фантастические книги. В книгах говорилось про бунт роботов, которые перестали подчиняться человеку и пошли на него войной.

На одной из международных выставок демонстрировался Эрик, высокий стальной мужчина. Он ходил по комнатам, открывал и закрывал окна и двери, — «Эрик боится сквозняков», — шутили посетители. Робот отвечал на вопрос, который час и «узнавал по голосу» своего конструктора. «Эрик, пробудись», — говорил конструктор. Глаза Эрика загорались красным огнем (в них накалялись лампочки), он вставал и протягивал руку для рукопожатия.

Я не знаю, находились ли любопытные, пожимавшие эту стальную руку, но вокруг Эрика всегда толпился народ.

Чтобы Эрику не было скучно, для него сделали подругу — двухтонную красавицу Альфу. Правда, в ее красоте был изъян — квадратная голова, но зато она великолепно стреляла из пистолета: 10 пуль в самое яблочко специальной мишени — вот какой это был меткий стрелок!

Не забывали изобретатели и животных. По дороге, освещенной электричеством, важно шел механический пес Филидог. Он никуда не сворачивал с дороги, потому что его напри-

вляли два фотоэлемента. Когда освещение становилось слишком ярким, он отворачивал голову и лаял. Между прочим, судьба его печальна: он «погиб», как живое существо, — был привлечен светом автомобильных фар и «скончался» под колесами автомобиля.

Роботы пользовались огромным успехом. Над их конструкциями работали выдающиеся инженеры. Но эти автоматы продолжали оставаться безмозглыми игрушками: они тоже не могли «думать» подобно человеку.

Так продолжалось до тех пор, пока вопросами создания «думающих» машин не занялась новая наука — кибернетика.

Вы услышите об этой науке еще не раз, потому что кибернетика, пожалуй, самая многообещающая наука нашего века. Она изучает явления, общие для человека, животных и машин.

Когда мы размышляем, наш мозг вырабатывает очень слабые электрические токи; ученым-кибернетикам удалось обнаружить некоторое сходство живого мозга с особыми радиотехническими устройствами, так называемыми электронными машинами.

Электронными эти машины называются потому, что главной их частью являются электронные лампы — те самые лампы, которые работают в наших радиоприемниках.

Как только об искусственном человеке задумалась кибернетика, дело сейчас же сдвинулось с мертвой точки.

Ученые пошли совсем по новому пути. Раньше изобретатели стремились придать машине точный облик человека — делали металлические статуи, внутри которых прятали моторы и механизмы. Но ведь главное в человеке — не руки и ноги. Главное в человеке — его мозг, его нерв-

ная система. Их и нужно воссоздавать.

Новые конструкции не имели рук и ног, они размещались в ящиках, стоящих вдоль стен комнат. И все же ученые добились своего, потому что впервые в истории науки машины — творения человека — стали действительно «умными» и получили пусть малое, но сходство с мозгом человека.

Попробуйте сосчитать, сколько будет $57469801 \times 96521078...$

Один мой знакомый считал целый час и все равно ошибся. А электронная машина делает десять тысяч таких умножений в секунду! Сколько людей она может заменить? Прав один ученый, который назвал ее и ее сестер «усилителями мыслительной способности человека».

А как не назвать умным автомат, который переводит с одного языка на другой? Если бы триста лет назад человек во всеуслышание заявил, что у него есть аппарат, переводящий с русского языка на английский, его могли бы сжечь на костре за знакомство с нечистой силой. А сейчас ученые спокойно собираются сконструировать электронную машину, чтобы в нее можно было вложить книгу на русском языке, а вынуть на английском. И так оно и будет в ближайшем будущем.

Как вам понравится кибернетический светофор — СКЛ-2, который регулирует движение на перекрестке без вмешательства человека? Красный, зеленый, желтый... Огни меняются четко и уверенно, как будто светофором управляет умелый регулировщик.

«Вам куда — налево? Придется подождать: пусть пройдет трамвай... Приготовьтесь освободить зону пере-

крестка... А санитарный автомобиль, оборудованный специальным сигналом-сиреной, мы пропустим вне очереди — он спешит спасти человека».

Существует машина, определяющая, чем заболел человек. Врач осматривает больного, заносит результаты осмотра на специальные карточки. Машина аккуратно сравнивает данные карточек с признаками различных болезней и «выбирает» заболевание, наиболее соответствующее наблюдениям врача. Она даже может прописать лекарство.

А что можно сказать о машине-кондитере? В нее закладывается кулинарный рецепт. Машина, как заправская хозяйка, выбирает из коробок нужные количества муки, сахара, яиц и всего того, что нужно для печенья, и печет его, выдерживая определенную температуру и определенное время, выполняя все прочие условия, о которых можно расспросить у ваших мам и бабушек. Подобные автоматы работали на хлебозаводах и кондитерских фабриках и раньше, но там для каждого изделия существовал свой автомат. А новая кибернетическая машина печет все, что ей прикажет человек...

На железных дорогах электронные машины управляют движением поездов, на аэродромах руководят взлетом и посадкой самолетов... Помните, по квартирам ходили люди, проводившие всесоюзную перепись населения? Все результаты переписи наносятся на карточки, вкладываются в электронные машины, и те подсчитывают, сколько мужчин и женщин в нашей стране, какой процент населения живет в городах, сколько человек окончит школу через три года и прочее, необходимое для учета.

Одни только формулы движения Луны занимают 80 страниц большой

Лечу

Печу

Регулирую

Ползу куда хочу

книги... Представляете себе, какие огромные вычисления нужно было произвести для того, чтобы направить ракету в определенное место Луны!

Это тоже сделали электронные машины.

Пока что для человека основная трудность — переводить условие задачи, которую он задает машине, на особый «язык» — вводить в машину программу. Цифры и буквы нужно зашифровать — превратить в отверстия, пробитые в карточке или ленте. Машина, «прощупывая» карточку, «читает» задачу, как человек книгу. Точно так же записываются указания человека, — что должна делать машина, как она должна решить задачу. Поэтому если человек не знает, как решить задачу, то и машина не может ему помочь.

Между прочим, в начале статьи я говорил о шахматном автомате — «изобретении» жулика-конструктора. То «изобретение», конечно, не в счет. А вот электронные машины действительно умеют играть в шахматы, и играют наверняка лучше, чем большинство из нас, во всяком случае американский гроссмейстер Решевский как-то сыграл с машиной вничью. Что касается шахматных задач — дать мат в три, четыре хода, то машина решает эти задачи безупречно, как самый сильный шахматист мира.

Очень любопытно, что электронные машины пишут стихи и сочиняют музыку. Ни музыку, ни стихи нельзя назвать гениальными, пожалуй, то, что слышал я, нельзя назвать и хорошим, но ведь электронные машины находятся еще в младенческом состоянии и неизвестно, что может из этого получиться, когда они вырастут и окрепнут; возможно,

мы еще увидим совершенно невероятные вещи.

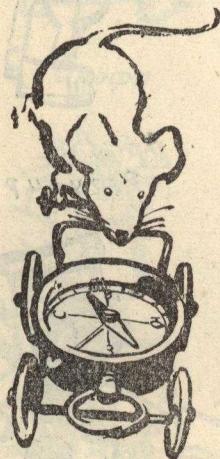
Помните Эрика, Альфу — этих тяжелых человекообразных роботов? Еще недавно они были чудом инженерной мысли, а сейчас такого робота — РУМА — демонстрируют юные техники Чкаловской технической станции. РУМ передвигается, выслушивает по радио и выполняет девятнадцать разных распоряжений. А сделали его школьники.

Пожалуй, самое интересное свойство «электронных машин» — это их некоторое сходство с живыми существами. Пока оно весьма неглубоко, но опять-таки неизвестно, что будет завтра. О некоторых таких «живых» автоматах я хочу рассказать.

Грэй Уолтер сконструировал «черепашек». Эти «зверюшки» ползали по комнате. Они были устроены так, что двигались на свет, но уползали от слишком сильного освещения. Черепашки, попавшие в тень от различных предметов, старательно искали выход в светлое пространство и не «успокаивались», пока не уходили из тени. Если комната освещалась яркими лампами, черепашки прятались под мебель и ни один ученый в мире не мог сказать, куда захочется поползти черепашке, где она найдет убежище — под комодом или под столом. Эта «самостоятельность» движения уже делает черепашку похожей на простейших животных, например, на дождевого червя.

Появились «белки», собирающие орехи и складывающие их в определенном месте комнаты, появились «лисы», узнававшие друг друга в зеркале. Следующим этапом стали «обучающиеся» автоматы.

По лабиринту ползла «мышь», необыкновенная мышь. Во всяком случае, кошка бы ею позавтракать не

Научилась учиться

смогла. Это было электронное устройство на колесиках. По задаче конструктора мышь проходила в центр лабиринта, где находился мощный электромагнит. Самым замечательным во всей этой истории являлось «обучение мыши». Если первое время мышь долго плутала по лабиринту, тыкаясь носиком в стенки, то как только она добиралась до центра лабиринта, ее путь мгновенно запоминался специальными устройствами. Если мышь снова пускали из того же места, она уверенно двигалась прямо к центру лабиринта, совсем как человек, узнавший знакомое место в лесу...

Такие свойства машин кажутся необъяснимыми и немного жутковатыми на первый взгляд. Невольно вспоминаются книги, где говорилось про бунт машин, про их «расправу» с человеком, вспоминается страшный великан Голем и живая шестирукая кукла из кинофильма «Багдадский вор». Но это все сказки. Единственную «неприятность» человеку устроила электронная машина на выставке в Брюсселе. Эта машина распределяла для приезжих номера в гостиницах города. Она испортилась и перестала «запоминать» уже выданные номера. В одни и те же комнаты она направляла десятки человек. В результате в Брюсселе скопилось пятьдесят тысяч приезжих, не получивших комнат. Неисправность была обнаружена спустя сутки, и скандал прекратился. Так что «ошибка» оказалась не слишком серьезной. А вообще, какими бы «умными» ни стали электронные машины, какими бы «самостоятельными» они ни оказались, человек навсегда останется их творцом, их хозяином, их властелином.

Обученный АВТОМОБИЛЬ

А. Еромицкий

пятствие — вот-вот наткнется, как избежать опасности, и машина, повернув в сторону, двинулась вдоль досок.

А теперь поставим доску под углом. «Сообразит» ли шофер, куда ему свернуть — вправо или влево?

«Сообразил»!

— Можно, если желаете, проверить способность машины выйти из любого закоулка, — предлагает изобретатель Рахович. И вот доски уже расставлены хитроумным лабиринтом.

Да, положение... Машине не развернуться, в одну из досок она все-таки уперлась. Пятится. Поворачивает колеса так, чтобы не наткнуться. Снова идет вперед — до следующего препятствия. Задний ход. Поворот. Столкновение. Еще поворот. Скорость...

Сколько бы ни было преград перед машиной, она еще и еще повторит свои маневры, а выход из тупика все же найдет!

Автомобилю без шофера мало уметь обходить препятствия: он должен подчиняться правилам уличного движения. Перед идущей машиной Рахович выставляет красную лампочку; как будто на светофоре вспыхнул красный свет. Машина как ни в чем не бывало продолжает двигаться. Изобретатель, улыбаясь, подносит ко рту свисток.

— Машина еще не знает о существовании этого правила, — объясняет Рахович. — Вот сейчас ей милиционер объяснит. Засекайте время!

Властная трель — модель остановилась. Секунда, вторая, третья, четвертая... На исходе пятой секунды модель продолжила путь. Но теперь, когда перед ней появляется красный свет, невидимый шофер тормозит машину. Погас красный сигнал — вновь движется вперед. Раздается зычный крик «Стой» — опять замирает на месте.

— Может случиться, необходимо затормозить и без красного сигнала, — поясняет Рахович...

Самоуправляемой моделью автомобиля, построенного инженером Раховичем, заинтересовались ленинградские производственники. Многие еще надо сделать, чтобы на улицах наших городов появились автомобили без шоферов, но эти машины со временем будут!

Мятежный эшелон

П. Куракин

Рисунки Н. Кустова

Возле рабочего стола сидит пожилой человек. Массивная, плотная фигура, русые, тронутые сединой, волосы. Крупные пальцы неторопливо перелистывают страницы только что оконченной рукописи. И лишь скованность в движениях выдает тяжелый недуг, которым поражен этот человек.

С двенадцати лет пришлось ему гнуть спину на хозяев. На заводе мальчик познакомился с большевиками-подпольщиками. Тайные рабочие сходки, опасные поручения — таким было его детство.

Наступил октябрь 17-го года. Власть богатеев свергнута. Но кольцо врагов сжимается вокруг Советской республики. Комсомольцы уходят на фронт, записываются в части особого назначения — ЧОН, отбирают у кулаков хлеб для республики. Фабрикам нужно топливо, и комсомольцы выходят на субботники, работают на лесной бирже.

В годы первых пятилеток коммунист Куракин — на большой партийной и хозяйственной работе.

Великая Отечественная война. Петр Григорьевич в первые же дни просит отправить его добровольцем на фронт.

В бою под Тихвином его тяжело ранило. Правую ногу пришлось ампутировать. Не легко было привыкнуть к протезу, но постепенно Петр Григорьевич стал ходить без палки, случалось, даже танцевал...

Уже после войны судьба обрушивает на него новый удар. Дает себя знать старая контузия. Отнимается левая нога, рука, наступает расстройство речи. Но и прикованный к постели коммунист не сдается. Изю дня в день, оставаясь в комнате один, он пытается петь старые комсомольские песни. Сначала это не удается, но постепенно победа приходит — дар речи восстановлен!

Огромная сила воли, желание остаться в строю, быть полезным народу, помогают Куракину найти свое призвание: он становится писателем.

И вот первый роман написан. Он называется «Жизнь побеждает». Для детей выходит повесть «Далекая юность». Многие в ней автобиографично. Веселый и озорной, вечно голодный подросток Яшка Курбатов помогает подпольщикам, потом защищает молодую Советскую власть, — именно так начиналась жизнь самого автора и еще многих и многих комсомольцев первого поколения. Это книга о сильных духом.

Новое произведение писателя, над которым он недавно закончил работу, называется «Кипучие годы». В этой книге рассказывается об Артеме Клевцове — сыне рабочего-большевика.

...Мальчик рос в сиротском приюте, служил подмастерьем у гробовщика. В Петербурге он познакомился с товарищами отца, пролетариями, ведущими нелегальную революционную работу. Вместе с друзьями с Выборгской стороны он шел на Октябрьский штурм, с оружием в руках утверждал Советскую власть.

Много было работы у чекистов в 1918 году. Агенты буржуазии плели сеть заговоров. Одно из восстаний против революции белогвардейцы готовили в Вологодской губернии. По приказу Центрального Комитета на помощь работникам ВЧК из Питера, вместе с другими коммунистами, отправился в Вологду Артем Клевцов и его друг Постоико, революционный матрос с «Авроры».

Отрывок из новой повести «Кипучие годы» вы сейчас и прочтете.

...Разоружать эшелон взялся сам председатель Губчека Александров. Он пришел усталый, невыспавшийся и сердито спросил:

— Бойцы прибыли?

Дежурный ответил:

— Как вы приказали — пятьдесят человек. Может, мало?

Александров увидел во дворе две шеренги бойцов и повеселел.

— Кто сказал, что мало?.. Ишь, армия какая! Операцию решено было начать на разъезде Молочное перед Вологдой. Александров брал с собой двадцать чекистов. Артем Клевцов с тридцатью бойцами и тремя пулеметами должен был встретить эшелон на воинской платформе в Вологде. Часть отряда оставалась в резерве, за вокзалом, у вагонного депо. Уже стемнело, когда дрезина прибыла на

разъезд. Чекисты собрались у стрелки. Александров приказал проверить оружие.

— Поезд останавливать не будем. Один кто-нибудь, ну, вот ты, Постойко, — обратился он к матросу в лихо сдвинутой на бок бескозырке, — возьмишь на себя паровоз. В Вологде пусть его сразу отцепят и угонят подальше. Ясно? А мы обезвредим эшелон.

— Вагон-то штабной известен? — спросил кто-то из темноты.

— Нет, но я думаю, что это будет классный вагон. Солдаты в теплушках, а господа офицеры, конечно, с комфортом любят ездить....

Вдали послышался гудок. Потом из тьмы проклюнулся желтый огонь. Он мерцал, пропадавал, вспыхивал вновь, медленно приближаясь. И вот, шипя и пыхтя, сбавляя ход, на чекистов надвинулся, обдавая паром, паровоз. Постойко, схватившись за поручни, как птица взлетел в паровозную будку.

Чекисты искали глазами штабной вагон. Теплушка, еще одна... Вот он!..

Быстро обезоружив в тамбуре растерявшегося часового, чекисты ворвались в вагон с двух сторон. У каждого в руке по гранате.

— Встать!

Офицеры — их было пятеро — играли в карты, сидя возле керосиновой лампы. Они разом поднялись, инстинктивно подчинившись команде. Сопротивляться было уже поздно: чекисты отстегивали у них портупеи, вытаскивали из наганов патроны, ощупывали карманы.

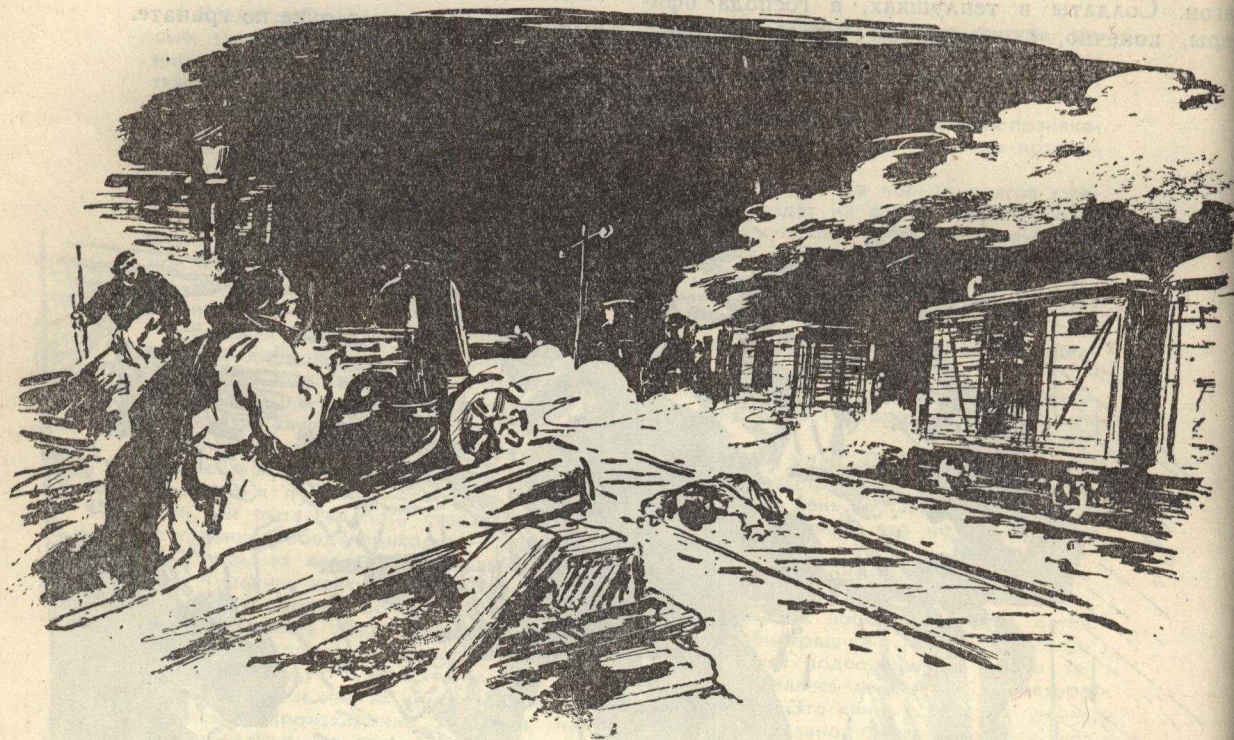
Один офицер, вздрагивавшей рукой надевая на нос пенсне, все повторял:

корзины, сундуки, — видно, в дороге солдаты изрядно пограбили.

Артем поискал что-либо похожее на пиратку для винтовок, но ничего не нашел. Наверное, каждый спал, положив оружие подле себя, под бок. Если разбудить солдат, пожалуй, можно получить в ответ пулю. Но будить надо.

Артем шагнул к нарам.

— Эй, браток, вставай!

— Господа! Товарищи! Мы только что...

Александров оборвал его резко и зло:

— Нам не о чем с вами разговаривать... Пока во всяком случае.

Через полчаса эшелон подошел к вокзалу. На него с перрона нацелились поднятые рыльца пулеметов. Паровоз, коротко свистнув, отцепил вагоны и поспешил к водокачке.

Чекисты вывели арестованных офицеров на перрон и поставили под фонарь, чтобы те были на виду.

В теплушках стояла тишина. Бойцы рассыпались вдоль эшелона. Артем плечом отодвинул дверь и вошел в вагон, набитый до отказа. В нос ударил тяжелый запах пота. В проходе возвышалось пианино, к потолку была поднята детская кроватка. Под нарами виднелись узлы,

Солдат сперва отдернул грязную ногу, потом сел, позевывая и потягиваясь. Он долго смотрел на Артема, наверное, ничего не понимая, затем спросил:

— А ты кто?

— Да здешний я, вологодский. На митинг вас просим.

— Митинг? Это можно...

Солдат, не слезая с нар, стал будить соседей.

— Вставай, робя, на митинг просют. После доспим...

Солдаты просыпались, кряхтели, но не ругались. Видимо, им еще не надоело митинговать, — шли охотно. Но когда высыпали на перрон и увидели арестованных офицеров, а рядом вооруженных людей, пулеметы, — сразу заволновались. Многие кинулись назад, к теплушкам. И тут произошло такое, чего чекисты совсем

не ожидали. Артем думал, что операция по обезвреживанию мятежного эшелона уже подходит к концу: офицеры арестованы, солдаты собираются на митинг. Но внезапно дверь первой от паровоза теплушки тяжело открылась, на чекистов устали дула винтовок и тупое рыло трехдюймовой пушки, около которой стоял полный пожилой офицер в очках.

— Предупреждаю! — визгливо закричал офицер. — Начну обстрел вокзала. Приказываю чекистам убраться с перрона.

Александров, прыгнув за металлический столб фонаря, крикнул:

— Клевцов! Живо к паровозу! Отцепите теплушку и увезите ее подальше.

Солдаты, собравшиеся было на митинг, быстро разбежались. Арестованные офицеры бросились в первую теплушку. Чекисты спрятались в укрытие возле вокзала.

Артем, как и все, поначалу опешившийся, очнулся от окрика Александрова, нырнул под вагон и по шпалам побежал к паровозу, который заправлялся водой.

Артем бежал изо всех сил, перепрыгивая через шпалы. Раздался грохот. Артем понял: это мятежники выстрелили из пушки. Оглянувшись, он увидел облако пыли, медленно оседавшее на землю. Тревожно забило сердце. Хотелось повернуть обратно. Но приказ есть приказ!

От сумасшедшего бега Артем задыхался, в боку кололо.

Но вот уже недалеко паровоз, вокруг которого с большой масленкой в руках ходил какой-то человек в спецовке. Машинист с длинными седыми усами усталое смотрел в окошко. Из паровозной будки, держась за поручни, вылезал Пстойко.

— Ваня! — закричал Артем, едва переводя дыхание. — Паровоз к эшелону надо, первую теплушку отцепить и увезти... Там пушка!

Матрос не заставил себя ждать: он пулей взлетел в паровозную будку. Артем вскочил на подножку тендера.

— Ты сразу прицепляй теплушку, а я от эшелона ее отцеплю!.. — крикнул Артему Пстойко.

Паровоз на полной скорости мчался к эшелону, он подпрыгивал на стрелках и покачивался на поворотах. Артем крепко держался за поручни.

Артем еще не знал, что пока он бежал к паровозу, солдатам мятежной теплушки удалось схватить Александрова, не успевшего спрятаться в укрытие, и с ним еще трех чекистов. Их связали брючными ремнями и бросили в вагон под нижние нары, где отвратительно пахло карболкой и грязными портянками.

Пулеметный расчет чекистов дал по теплушке короткую очередь, но стрелять было опасно — можно легко попасть в своих.

...Громко лязгнули буфера. Пстойко выпрыгнул из будки и бросился под эшелон к сцепке между первой и второй теплушками. Артем соскочил с подножки и сразу накинул цепь на крюк. Почти одновременно Артем и Пстойко поднялись в паровозную будку.

— В вагонное депо? — коротко спросил машинист.

Артем утвердительно кивнул.

Вагонное депо, или как его называли «вагонный сарай», находилось в полуверсте от станции. Сюда-то и загнал паровоз отцепленную теплушку. В теплушке было тихо. Видно, солдаты, сидевшие в ней, оторванные от всего эшелона, приуныли. Демобилизуемые из царской армии, они достаточно пострадали в окопах, рвались к семьям и совсем не хотели воевать снова, когда были почти дома.

Вскоре под командой Пстойко, заметавшего широченными клещами перронную пыль, к вагонному депо прибыл резерв отряда и блокировал двери. Артем предложил мятежникам вступить в переговоры. Не прошло и трех минут, как с белой тряпкой на палке появились двое солдат и офицер. Артем заявил, что с офицером разговаривать не будет и требует, чтобы тот удалился обратно. Парламентерами остались солдаты.

— Вы что же, братцы, против своей власти пошли, за помещиков, за буржуев встали?..

— Так мы люди темные, где она, правда-то, не знаем...

— Правда, она у рабоче-крестьянской, у Советской власти. Она крестьянину землю дала, сделала рабочих хозяевами заводов. А офицеры ваши хотят назад землю отобрать, хотят снова посадить вам на шею царя и помещиков. Словом, потом мы все объясним, а сейчас скажите своим, чтобы они немедленно освободили наших товарищей. Это раз. Вы должны выдать нам всех офицеров — это два. И три: сдайте пушку, снаряды, личное оружие и патроны. Если все это выполните, вам, солдатам, гарантируется свобода и вместе с эшелоном можете следовать дальше. Ну, так как, товарищи?

Солдаты долго переминались с ноги на ногу, чесали в затылках, но вот один из них тихо сказал:

— Так мы что... Конечно, нам скорее до дому ехать надо... Пойдем все обскажем...

Минут через десять из депо вышли Александров и чекисты. Александров был хмурый, как грозовая туча, а бойцы радостно улыбались.

— Ну и оплошка случилась! Верно говорится — век живи, век учишься... Вот и наган вер-

нули. Митингуют там... Со своими офицерами в разнотык пошли.

Вдруг за дверями послышался выстрел. Чекисты переглянулись и на всякий случай приготовились к отпору. Калитка, скрипнув, открылась, и из нее один за другим появились десять офицеров с поднятыми руками.

— А командующий-то наш... — произнес солдат, бывший в числе парламентариев. — Одним словом, долго жить приказал...

— Собаке собачья смерть, — добавил другой солдат.

— Отец его в наших местах первейший помещик был...

— А нам бы скорее до дому... Почитай, с самого начала войны не бывали. Что там, как там? — горестно проговорил рослый бородатый солдат.

— Вы уж извините, товарищи, — обратился к Александрову низенький солдат в прожженной шинели. — Народ мы темный, что к чему, не знали... Сбили нас господа офицеры с панталыку.

Солдаты сдали пушку, снаряды и винтовки.

Наконец, свистнув, подошел паровоз, и теплушка была вновь прицеплена к эшелону.

— На митинг выходи! — закричали на перроне.

Солдаты поспешно выпрыгивали из вагонов и быстро шли к зданию вокзала. Несколько человек повернули было обратно к теплушкам, но на них закричали:

— Куда? Вишь, начальник говорить хочет...

Александров уже возвышался над толпой, поднявшись на ящик. Он снял кожаную фуражку и сейчас стоял среди людей, как простой мастеровой, в замасленной кожаной куртке, лысоватый и сутулый.

— Солдаты! Видите тех золотопогонников под фонарем? — показал он на офицеров. — Они

арестованы и больше не командуют вами! Вы желали мирно ехать по домам, а они сделали из вас душителей революции! Советская власть отдала крестьянам всю землю, а ваши офицеры хотели, чтобы вы своими руками свергли эту власть. Они — бывшие помещики и фабриканты, и мечтают снова вернуть себе землю и заводы. Так неужели вы поможете им в этом?

Александров говорил тихо, неторопливо, словно не на платформе, а в комнате, в кругу друзей.

Он зачитал Декрет о земле, и солдаты одобрительно загалдели. Кто-то крикнул, показав на понуро стоящих офицеров:

— Подлецы!

Чекисты плотнее встали вокруг арестованных, боясь, чтобы солдаты не устроили самосуд.

— Так поезжайте к своим семьям. Мы вас не задерживаем! — кричал в толпу солдат Александров. — Выберите себе начальника эшелона, в теплушках назначьте дежурных и езжайте дальше... Только вот оружие надо сдать.

— А чего, оно нам не нужно!..

— Воевать больше не хотим...

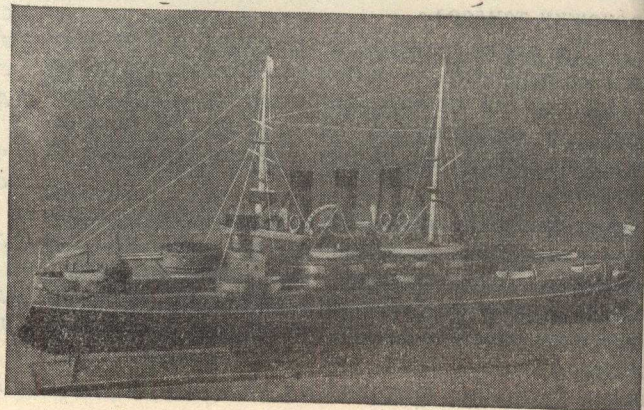
— Вот и хорошо. Мои ребята уже собрали по теплушкам винтовки. Может, у кого револьверчик какой заваялся, а? И еще — нагреб тут кое-кто чужого, мы это конфискуем. Ладно?

Такое предложение было встречено уже не столь одобрительно. Но все-таки несколько рук потянулось помочь, когда Клевцов один попытался сдвинуть с места пианино... Инструмент быстро сняли и поставили на платформу.

...Через несколько минут дежурный ударил в колокол, свистнул паровоз. Эшелон тронулся. В дверях теплушек, вытянувшись, стояли недавние бунтари. Руки они держали по швам. Александров, провожая теплушки, приложил руку к козырьку, как на параде.

МОДЕЛИ НАШЕГО КОНКУРСА

Вы видите модели исторического броненосца «Потемкин», яхты «М» международного класса с эллиптическим сечением рангоута и модель современного крейсера. Их прислал на конкурс юных морских умельцев 1959 года Нарвский клуб юных моряков.

Ленинград — „Костер“

В ПОХОД ПО ПАРТИЗАНСКИМ ТРОПАМ

Рано утром пионеры выстроились на линейку.

— Товарищи партизаны! Отряды пятого-«а» и шестого-«б» классов к походу готовы!

Звучит команда. Поход начался.

В голове колонны идут настоящие партизаны — бывший командир диверсионного взвода Владимир Феофилович Шинкарук и разведчица Антонина Алексеевна Баженова.

Все глубже входят ребята в лес. В молодом сосновом бору — привал.

— Здесь был наш временный партизанский лагерь, — рассказывает бывший командир. — Недалеко железная дорога. На нее мы отсюда и выходили.

Ребята разглядывают остатки землянок, ржавый котелок... Доносится шум. Неподалеку мчится поезд — мирный состав с мирным грузом.

— В сорок третьем году я был на одной диверсии, — продолжает товарищ Шинкарук. — Помню, с нами ходил мальчик, пионер. Звали его Валя Котик.

Становится тихо-тихо. Валя Котик, пионер-герой! Отряд шестого-«б» класса носит его светлое имя. Так вот где пролегал его путь!

Антонина Алексеевна рассказывает о гибели молодого подпольщика Вити Кмитюка. Два

года помогал Витя партизанам. Его выдал провокатор. Фашисты согнали всех жителей села Стриганы в заброшенный карьер. Витю подвели к виселице. Палач накинул ему на шею веревку.

— Бейте фашистов! Наши придут! — успел крикнуть Витя.

...А партизаны уже готовили месть оккупантам. Только из села Городищи в партизанский отряд Музолева пришло пятьдесят подпольщиков. Их руководитель коммунист Мозяр стал командиром роты.

— А Мозяр жив? — нетерпеливо спрашивает Вова Батура.

— Жив, — улыбается рассказчица. — Работает в Славуте, в зеленом хозяйстве.

— Мы его знаем! — хором кричат ребята. — Мы там весной работали на посадке питомника. Мозяр нас даже похвалил.

— А теперь давайте пообедаем по-нашему, по-партизански, — предлагают партизаны.

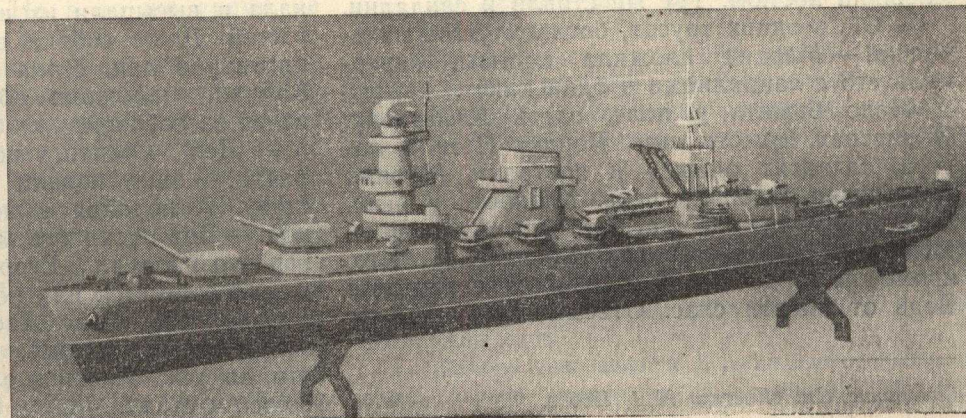
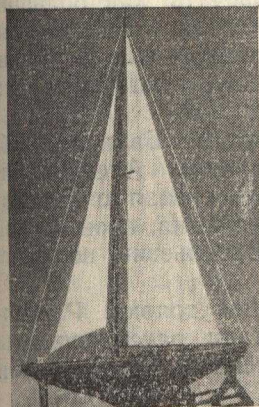
— Давайте!

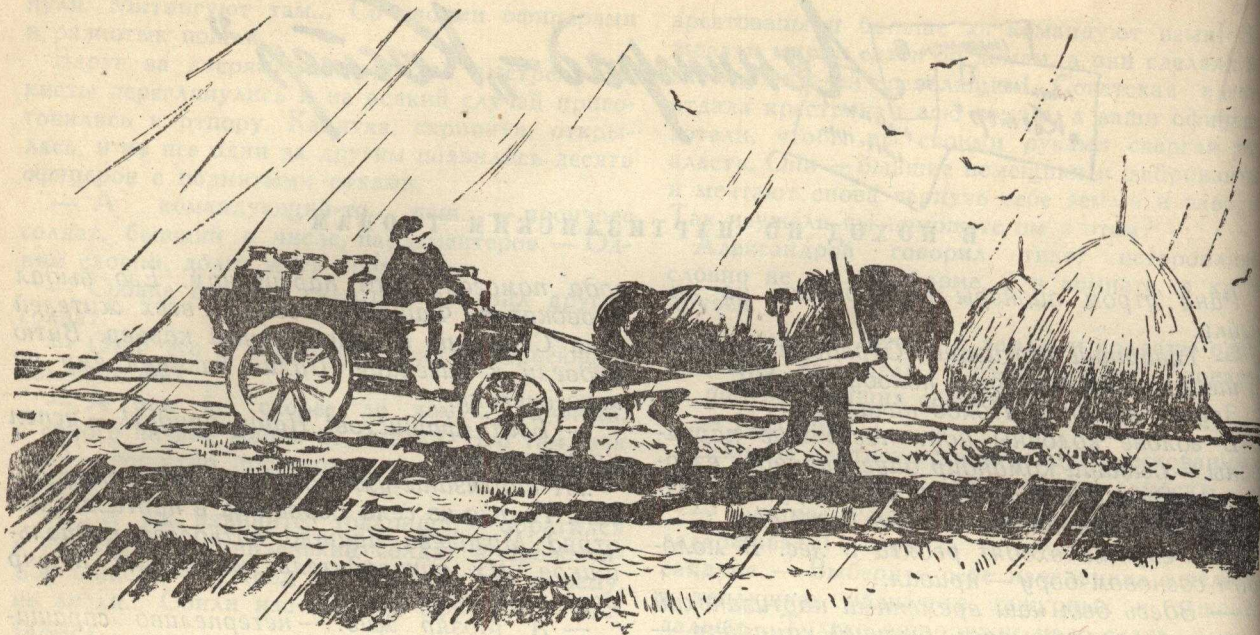
— Давайте!

Вкусен партизанский обед. Варится быстро, по-походному. Ребята едят за обе щеки.

С песней вернулись они из леса. Все вместе благодарили бывших партизан. И с этого дня еще дружнее пошла работа в отрядах.

В. Владимиров, учитель
Город Славуты, Хмельницкой области УССР

АЛЕШКА

Никол Эркай

Рисунки Т. Ксенофонтова

Когда уехал Алешка, у Марины словно столбняк прошел. Спихватилась и бегом понеслась к погребу. Андрюшка спал беспробудным сном. На голой коленке — кровоподтек. Рюкзак лежит на боку у изголовья: возле него раскатились краснобокие яблоки. «Лазили ночью в сад, черти?» Но на этот раз даже не разбудила Андрейку, чтобы отругать как следует. В другое время получил бы Андрейка не один подзатыльник за такие дела. А сейчас... «Жив ведь остался... Жив... даже и не слыхал ничего». Поправила Марина сползшее одеяло и ушла в дом. В сених на табуретке так и остался лежать новый Алешкин костюм. Тут же стояли и сандалии.

— Ой, в одних трусах, босиком ушел мальчишка! — Марина сложила костюм, завернула его с сандалиями в один пакет.

«Надо бежать в поле, одеть Алешеньку. И завтрак отнести ему. Пойдет Петя в лагерь, захватит одежду и завтрак». Марина быстро затопила печь. Хлопочет у печи, а сама все думает... «Спит ведь Андрюшка, ничего не знает... А все Алешенька... Кто, кроме него, может с Байкалом совладать! Ведь от смерти спас. Отвезли бы Андрюшу

в больницу вместе с Егором Васильевичем. А, может, и не пришлось бы везти в больницу-то».

В поле Алешка слез с Байкала и пошел сзади. Только теперь он спихватился, что идет в одних трусах, босиком, и ему холодно. Но ничего не поделаешь, с полдороги не воротиться, да и Байкала нужно доставить на место.

Еще издали Алешка увидел лагерь, коров, которые стояли в загородке. И бык, как только понял, что подходит к стаду, поднял голову и громко замычал.

В лагере тоже заметили Алешку и Байкала и высыпали их встречать, как больших гостей. Даже собака выбежала навстречу и, притворно лая, стала нападать на Байкала. Байкал, наклонив башку, поворачивался вслед за собакой.

— Дед Степан, получай Байкала обратно! — еще издали крикнул Алешка пастуху. А подойдя к деду, сказал с укоризной: — Вот отдал без меня быка, а он в селе вон что наделал... Егор Васильевич, не знаю, живой останется или нет.

Собрались возле Алешки доярки. Разволновались, разохались, стали расспрашивать, что да как. Алешка рассказал, что знал, и пошел к стаду.

Окончание. См. «Костер» № 1, 1960 г.

Стадо разбрелось по лугу вдоль реки. Понурый Байкал, как будто с неохотой, брел за коровами. Что-то с ним произошло, словно силу отняли у быка. Далеко за стадом не пошел, потоптался на месте и залег. Алешка принес ведро холодной воды, поставил перед быком.

Байкал понюхал воду, но пить не стал. Вывернув шею, он тужился достать языком, заливать какие-то места на спине. Алешка встревожился: не случилось ли чего плохого? Утро было прохладное, слепни не донимали быка. Никак не мог Алешка понять, почему бык ведет себя беспокойно. Вгляделся повнимательнее и заметил на спине и на ляжках Байкала кровавые пятна. «Ободрался, наверное, когда буянил», — решил Алешка.

Через некоторое время подъехали на лошадях Иван Ефимович и Митрич.

— Ну как дела, герой? — спросил Митрич.

— Дядя Петя, на спине у быка кровь откуда-то, никак понять не могу.

Оглядел Митрич быка и тоже забеспокоился. Байкала подняли. Он послушно побрел в загон. Мужики тут же отгородили ему отдельное место. Байкал вошел туда и стал спокойно. Митрич принялся тщательно осматривать Байкала. Сбрил шерсть с окровавленных мест.

— Здесь какие-то порезы, — сообщил он Ивану Ефимовичу. — Похоже, человеческих рук дело. Сам так не мог...

Митрич промыл раны, накрыл мокрой простыней, заложил свежего корма, налил воды. В станке было прохладно и тихо. Байкал лежал спокойно.

Алешка молча взял костюм, завтрак и ушел в шалаш. Сейчас ему не хотелось разговаривать с Митричем. Он жалел Егора Васильевича: будет тот жить или нет — неизвестно. А все из-за Митрича. Не надо было брать быка на село. Но в то же время не хотел верить Алешка и Федьке. Будто разделился мальчишка надвое: не знал, чья тут правда... Пусть с быком получилось неладное. Алешкино сердце подсказывало, что все это не так просто. А Митрич... может быть, и не его вина... Алешка и сердился на Митрича, и не хотел на него сердиться. Видно, непонятлив еще Алешка в жизни, как телок. Вокруг него все взрослые люди: Иван Ефимович, пастух дед Степан, Митрич, делают они свои дела, а почему так делают, а не иначе — поди разбери. Кажется, все просто... Привык Байкал ходить в стаде, ну и хорошо. Зачем было отделять его от коров и гнать на село? Никак

Алешка этого не может понять. А еще не может Алешка понять, почему такой человек, как Федька, оказался прав, а Митрич — нет...

* * *

Сегодня Федька пришел домой, что раскленная сковорода. Открыл дверь в избу и еще с порога прохрипел:

— Не выгорело дельце... Все через Алешку, паршивца этого!

Катя, жена Федьки, знала мужнин нрав. Без расспросов быстро накрыла стол, поставила водку, закуски и молча стала в сторонке. Федька снял свой пиджачишко, бросил его на кровать, сполоснул руки у ракушечника, что висел над лоханью, и сел за стол.

— Ну, чего встала? — прикрикнул Федька.

И здесь Катя наперед знала, что делать. Налила полную кружку водки, подала мужу. Федька задрал подбородок, закрыл глаза, вытянул губы трубочкой и, гулко глотая, выпил всю кружку. Выпив, потянулся за мясом. В чашке лежали крупно нарезанные, жирные куски свинины. Не отводя глаз от чашки, спросил:

— Много еще мяса осталось?

— С полкадушки будет.

— Нынче ночью подкоптить надо. Да на базар отправить. Будет морока с этим Митричем... Он и обыск организовать может. Откуда, мол, у вас, Федор Иванович, столько мяса? Вежливый, черт окаянный! Жаль, что бык до его погребца не дошел... Ну, да ладно, я и в лагерь доберусь. Сыграю им музыку. За так, за просто я с должности не уйду! Мне это место дороже золотых присков.

Федька так раскипелся, что не заметил, как отворилась дверь и на пороге появились Митрич и председатель колхоза. Увидел их Федька да так и застыл с куском мяса в руке.

— Здравствуйте, — сказал Митрич.

Поздоровался и Иван Ефимович.

— По какому делу бог послал? — прохрипел Федька.

— Пришли навестить тебя, узнать, как живешь. Давно я у тебя не был, сосед, — ответил Митрич. — Да гляжу, живешь неплохо. Радиоприемник завел, мотоцикл в сених стоит...

— Социализма, сосед... — усмехнулся Федька.

— То-то оно и видно, что «социализма», — сказал Иван Ефимович. — А социализм учета требует. Так что ты давай закругляй свой обед и приходи в правление, расскажешь, в каком состоянии скот.

— Нечего мне делать в правлении! Могу и здесь отчет доложить. Спрашивай. А ты,

Катка, убери со стола и марш на улицу. Здесь мужичий разговор будет.

Катя так же молча и быстро убрала со стола и вышла.

— Много свиней за год пало, Федор Иванович? — спросил Митрич.

— Сколько ни пало, на всех акты есть.

— А ты не объяснишь, почему подошли самые крупные, самые жирные?

— А ты кто мне такой, прокурор, что ли? Какое твое право допрос снимать? Может, у тебя разрешение какое особое имеется?

— Нам прокурор ни к чему, — сказал Иван Ефимович. — Поди не какое-нибудь уголовное дело разбираем.

— Не зарекайся, Иван Ефимович. Гляди и потребуются еще прокурор. Егора-то Васильевича убили. Вот тебе и уголовное... — Федька переломил спичку и принялсяковырять в зубах.

— Не каркай. Егор — живой, живым и останется. А насчет прокурора не тужи, — понадобится, мигом здесь будет. Спину я Байкалу побрил. Вся спина чем-то исколота. Вот почему он взбесился. Поработал кто-то на совесть. Да жаль — следов не оставил.

...Поздно вечером в правление, где еще сидели Иван Ефимович и Митрич, пришел Чужой Иван.

— Вот, Иван Ефимович, струмент... в станке Байкала нашел, — сказал сторож и протянул председателю палку с железным острием на конце.

— Это еще что такое? — спросил Иван Ефимович.

Митрич взял палку, оглядел ее.

— Змея уползла — жало осталось, — сказал он.

* * *

Федька начал готовиться к ночи. Повытаскал из кадушки остатки соленой свинины, разложил ее по полкам. Не так уж и велико богатство, да даром досталось. Оттого и дорого оно было Федьке. Сам сыт и для продажи остается немало. Пока на ферме хозяйничал, денегат подкопил. А что ходил в старом пиджаке, — то ведь с лица не воду пить. Зачем своим богатством глаза людям мозолить?

Вечером к Федьке явился высокий, тонкий старик. На ногах кирзовые сапоги, на голове картуз с лакированным козырьком. Из-под картуза лезли длинные, как у попа, вылинявшие волосы. Бороденка маленькая, кустиком, как овечий хвост. Из-под пиджака выглядывал подол синей сатиновой рубахи, подпоясанной шнуром с красными кистями.

Войдя в избу, старик снял картуз обеими

руками, огляделся, переложил его в левую руку и широко перекрестился. Только после этого сказал:

— Мир дому сему, — и положил картуз на полку.

— Кончай поклоны бить, дело есть, — зло сказал Федька. — Мясо-то последнее осталось, да и его, того и гляди, отымут.

— Даст бог день, даст бог и пищу. Не тужи прежде времени. Для какого дела так срочно понадобился?

— Мясо надо подкоптить за ночь и — на базар. Чтобы и духу от него не осталось. Завтра чтобы чуть свет быть в городе. Понял?

— Поди не впервой... знаем дело-то!..

— Баба, чего стала! — крикнул Федька на жену.

Катя сорвалась с места, мигом накрыла на стол. Собрала то же, что и днем, только к мясу подала еще свежих огурцов.

Федька вытащил из-за голенища кинжал, нарезал мяса. Старик взял кинжал, попробовал на ноготь лезвие.

— Кого думаешь побрить?

— Байкала.

— Та-та-та! — проговорил старик.

— Вот, смотри, — Федька показал на кинжал. — «Дружок» мой, Митрич, привез из города. Этот кинжал все село знает. Пережду быку глотку, а рядом кинжал положу... Уразумел? Тогда посмотрим, кто будет мясо есть, а кто клопов в тюрьме кормить.

— На все божья воля, — вздохнул старик и перекрестился. — Умник ты, сынок.

— Будет им представление, — сказал Федька. — Кинокартина! Пей, Касьян! У тебя тоже день ангела не в четыре года раз. Каждый год будем праздновать. Да еще в ноги поклонятся, позовут обратно!

Касьян подробностями не интересовался, и так все понятно.

На селе тишина. Никого нет на улицах. Темная ночь окутала село. И у Федьки в избе тоже тишина. Молчит радиоприемник. Как купил его Федька, так и не включал ни разу. Бережет добро. В крайнем случае новый приемник — всегда деньги. Стоит в сенях мотоцикл. Тоже — деньги. Пригнал его Федька год назад из магазина, так и стоит он, весь в масле. Мертвая тишина в Федькином доме. Молчат вещи, молчат люди. Не поют, не смеются. Берегут добро...

* * *

Повернули дни на осень, оголились поля. Стадо теперь начали выгонять на поле, где летом был семенной участок.

Федька ходил тише воды, ниже травы. Будто и совсем смирился со своей долей. Работал в тракторной бригаде сторожем. О том, что неправильно его с фермы убрали, не вспоминал. Однако часто бывал возле стада.

Байкал совсем выздоровел. На бритых местах снова отросла шерсть. Митрич теперь не только ветеринарный фельдшер, но и заведует фермами — день и ночь возле скотины. Забот хватало, но не эти заботы тяготили Митрича. Не мог он забыть случай с Байкалом. Прикидывал Митрич и так, и этак: по всякому выходило — кроме Федьки некому. Но, говорят, не пойман — не вор. Случай

свиней, овец, но причины смерти какие-то странные. То животное обьелось, то отравилось, то случилось кровоизлияние в мозг, то воспаление легких, то паралич. Взял Митрич папку с актами домой. Дома еще раз перечитал, да повнимательнее. И в одной бумаге нашел, что телка пала от сибирской язвы. Митрича даже оторопь взяла: при таком случае должен быть наложен карантин, всем коровам следовало сделать прививки. За последние годы по всей республике не было ни одного заболевания сибирской язвой. Как же можно было скрыть такой случай?

В тот же вечер, по дороге домой, забрел на огонек к Митричу кузнец Яков Петрович.

с Байкалом расследовали. Были из района, приезжал ветеринарный надзор. Случаю этому не придали особого значения, бык остался живой, быстро выздоровел. Но Митрич не мог успокоиться, никак не мог. Будто не Байкала прутом искололи, а его, Митрича...

* * *

Алешка все в поле. Он теперь настоящий, заправский мужик, работник. Ходит в теплой фуфайке, сапогах. Пасет стадо, по-прежнему заботливо ухаживает за Байкалом.

Однажды вечером Митрич долго засиделся в правлении колхоза. Ему в руки попали акты о падеже скота. Читал он, читал эти бумаги и удивлялся все больше: пало несколько

Сделал он Марине ухват, а занести все было недосуг.

— Здорово, Петр Митрич, — сказал кузнец и положил ухват на шесток. — Вот Марине ухват выковал, пусть тебе повкуснее щи варит. Ты чего долго так засиделся?

Митрич вышел из-за стола навстречу кузнецу.

— В бумагах путаюсь. Смотрю, как тут без меня Федька хозяйство вел. Акты разбираю на павшую скотину.

— Акты... — засмеялся кузнец. — Их читай, не читай — все одно: не поймешь ничего. Так гладко писаны, что и прокурору не подступиться. Только уж разбираться поздно; погрел Федька руки на фермах до твоего приезда. Тут такие чудеса творились...

— И я чувствую, что недобрым он делом занимался, — сказал Митрич. — Только вот поймать вы его не сумели...

— А как поймать!? Нам ведь неизвестно, отчего скот падает. Сдохла свинья — и ладно. Вот прошлой зимой в феврале какое дело вышло: поставили с осени пятнадцать голов свиней на откорм. Свиньи все однолетки. Но одна была, прямо сказать, на удивление. Пуда на полтора, а то и на два тяжелее остальных. Бочка! Так Бочкой ее и прозвали. К февралю откормили. Можно уже сдавать. Собрались, значит, председатель, заведующий фермой и пошли посмотреть этих свиней. И я с ними угодил. Пришли на ферму. Свиньи разжирели — еле ходят. Ну, а Бочка — куда там! С другими и не сравнить. Ну, порешили — пора свиней вывозить на заготовительный пункт. Назначили вывозить на завтра. А утром запрягли лошадей, подъехали, а Бочки нет. Заведующий растерялся, туда бросился, сюда бросился — нет свиньи. Потом нашли: лежала под соломой... Мертвая. Позвали Федьку. Ну, сказал он, что свинью нужно отвезти в районную ветеринарную больницу. И определить причину смерти, составить акт. Сам же он со свиньей и уехал. Скоро вернулся, привез вместо свиньи акт. Черным по белому. Дескать, мясо в пищу употребить нельзя. Туша захоронена на скотском кладбище. И не один такой случай был...

— А про этот инструмент ты, Яков Петрович, ничего не скажешь? — вытащив из-под кровати, Митрич показал прут, найденный в стойле Байкала.

Кузнец взял острое и начал его разглядывать.

— Пруток из нашей кузни... — раздумывал он вслух. — Погоди, погоди! Вспомнил! Его еще летом сделал Федька.

— А как он на ферму попал, этого сказать не можешь?

Кузнец покачал головой. В свою очередь спросил:

— А как он к тебе попал?

— Чужой Иван принес. Нашел в станке Байкала.

— Вот оно как! Я сам еще помог Федьке этот прут отрубить. При мне он и заострил его, сказал, что дыры будет прожигать — грабли делать.

— А ты взгляни-ка хорошенько, калил он его или нет.

Кузнец повертел острое в руках, поколупал ногтем.

— Нет, не калил. Эта штука и на огне не была ни разу.

На другой же день Митрич с Федькиным «инструментом» пришел в кузницу. Вместе с кузнецом они разыскали остаток прутка, сравнили — точно, отрезан отсюда. Вызвали Федьку. Ничего не подозревая, Федька явился в кузницу, как ни в чем не бывало, веселый. Увидел в руках Митрича свое «жало» и опешил. Но не надолго. Быстро оправился, начать юлить:

— Вот, спасибо, Петрович. Забыл я тогда прут в кузне. — Федька потянул «жало» из рук Митрича.

— Так эта штука твоя, Федор Иванович? — сказал Митрич. — Нет, я тебе ее не отдам. Сначала объясни, для какой надобности ты ее сделал, и как она очутилась на ферме, где Байкал стоял... Объяснишь, — пожалуй, отдам.

В кузницу вошли Чужой Иван, председатель Иван Ефимович. Подошли еще колхозники. Федька растерянно озибался, моргал, поглядывал на дверь, но и в дверях стояли люди — не выскочишь.

— Что за собрание? — спросил Иван Ефимович. — Ты чего здесь бездельничаешь, Федор Иванович? Почему не в поле?

— Позвали меня. А для чего позвали, сам не пойму.

— Приползла змея за своим жалом! — сказал Митрич.

— Какая змея, какое жало? — сердито спросил председатель.

— Помнишь, у Байкала в станке нашли? Его эта штука, сам признал, — Митрич указал на Федьку.

— Ну что ж... — сказал председатель. — Идемте в правление. И ты, Федор, тоже...

Вечером Федьку с милиционером отправили в район.

* * *

Алешка и не замечал, как изменилось поле. Хотя и опустело оно, но красы своей не потеряло. Ярко зеленела отава люцерны. Над этим зеленым морем возвышались пузатые стога сена. По-прежнему солнце щедро лило свои лучи, но тепла стало меньше, уже не лето. Поле стало как будто больше, расширилось: теперь оно проглядывалось от края и до края — каждый бугорок, каждая морщинка были заметны.

Больше всего любил Алешка бывать на поле рано утром. До восхода солнца оно притихшее и темное, будто и вправду спит. Но вот встанет солнце, выглянет из-за леса, ляжет солнечный свет полосами на росистую отаву, зеленые озими, и кажется, что поле встряхнется, вздохнет полной грудью и зазве-

нит. Посветлеют озимые, и, как по морю, заходят по ним легкие волны. А над этим разноцветным простором из конца в конец носятся грациные стаи, да высоко в небе парят коршуны... В такие минуты хочется и Алешке, чтобы у него были крылья. Подняться бы и лететь, разглядывать сверху, кто таится в траве, что там делает...

Теперь свободы у Алешки много. Коровы никуда не разбредутся, в хлеба не залезут — из отавы палкой не выгонишь. Да и на кукурузном поле после уборки осталось еще вдоволь корма. Коровы за день так наедаются, что вечером еле добираются до фермы. Спокойно им теперь: не жарко, оводов нет — дерут траву без помехи.

Сейчас и дед пастух не ругался, если Алешка убегал к трактористам. Прошли дожди, пыли нет — пахать одно удовольствие. Тракторист Миколь уже доверял Алешке пройти на тракторе круг, другой. Сам Миколь сидел на месте плугаря и оттуда наблюдал за Алешкой.

Ночевал Алешка больше в поле, в шалаше. Но считалось, что живет он теперь у Митрича. Тот ему и обеды приносил прямо в поле, и часто брал ночевать к себе в деревню.

Забыл Алешка свои обиды. Теперь уж не думает о том, что там раньше было и как он дальше жить будет. Одно знает — работа. Алешка и за коровами ходит, Алешка и фляги с молоком таскает, и дрова приготовит, и костер запалит... Все Алешка! Утром, не успеют еще доярки встать, а у него уже готов завтрак, вода кипит. Приходилось и молоко возить на завод.

Сегодня встал утром пораньше, задал Орлику свежего корма, сварил на костре котел похлебки и, когда женщины закончили дойку, запряг Орлика. Поставили фляги на телегу, закрепили их как следует, чтобы не болтались и не бренчали, и Алешка уехал.

Осень, она все же осень. На нее крепко надеяться не следует. Вот будто и погожий день начался сегодня, приударило с утра солнце, а как поднялось чуть повыше леса, так и потонуло в мутном небе. Начался ветер и пошел мозглый дождь-сеянец. А ведь Алешка и плаща не взял.

Алешка, как заправский хозяин, в телегу не сел, а шагал сбоку с вожжами в руках. Выбрал дорогу, что шла полем к плотине — так короче.

Орлик шел ходко, голову нес высоко — отдохнул за ночь. Вокруг Алешки осеннее поле, только теперь уже совсем другое, постаревшее. Мутно-серая мгла скрыла дали. Как-то съезжились и присели стога сена. На стогах вороны кричали дурными голосами, жаловались на погоду и свою долю. Дождь сначала был слабый, моросил еле-еле, потом полил на совесть. Идти стало тяжелее: на сапоги налипла грязь, фуфайка промокла. Присел Алешка на край телеги, дернул вожжи. Орлик шел по-прежнему легко, без натуги.

Хоть и сильно хлестал дождь, но Алешка возвращаться не собирался. Проезжая по плотине, Алешка взглянул на реку. Вдоль берегов километра на четыре растянулись плоты с замоченной коноплей. Здесь была конопля трех колхозов.

— Эх, какое богатство! — вслух подумал Алешка.

На завод он приехал уже в обед. Сдатчиков было мало. Алешка быстро сдал молоко и, даже не покормив лошадь, отправился обратно. Возвращался он той же дорогой.

Ехал Алешка под дождем, сидел в телеге сгорбившись, даже вожжи бросил. Дорогу к дому всякая лошадь знает, и так дойдет. Положение Алешки не очень-то приятное: фуфайка пропиталась водой, промокла насквозь струйки воды стекали за шиворот, расплывались по спине. Стало холодно. Не раз Алешка слезал с телеги, пытался идти пешком, но к сапогам липло столько грязи, что еле ноги выдергивал. Порывистый ветер швырял в лицо потоки воды, и казалось, со всего неба дождь падал только на Алешку, на телегу да на Орлика. Как ни прилаживался, как ни ворочался Алешка в телеге, — не мог укрыться от струй, хлещущих со всех сторон. Дождь падал уже не отдельными каплями, а лил целыми ручьями.

До плотины было еще далеко, когда услышал Алешка глухой шум. Как будто где-то впереди с горы неслась бешеная вода и ревели, ворочая камни. Алешка напряженно вглядывался в сторону речки, но дождь повис плотной стеной — ничего не видно. Лишь когда подъехал к плотине совсем близко, понял, в чем дело. От дождя река вздулась, и вода уже не вмещалась в запруду, лилась через плотину. Ворота отводного канала были закрыты. Они выгнулись под напором воды и вот-вот готовы были обрушиться. Вода вышла из берегов. Она слизывала и уносила с собой уже готовую, вытащенную на берег коноплю. С плотов груз был смыт. Плоты всплыли, сорвались со своих мест. Течением их снесло вниз и они сгрудились у плотины. Вот-вот полезут через плотину, разрушат и уволокут с собой всю насыпь.

Что делать? Алешка не знал. Он твердо знал только одно: если прорвет плотину, то пропадет вся конопля — она сплывет по течению и там ее занесет илом. Алешка бросился к воротам отводного канала, попытался их открыть. Где там!.. Орлик, напуганный шумом воды, начал беспокойно перебирать ногами, заржал.

Намучился Алешка с воротами, даже вспотел, а толку никакого. Алешка — к Орлику, взял его под уздцы, и повел по плотине на другой берег. Вода шумит... Страшно! Вот-вот смоем с плотины Алешку и лошадь вместе с телегой. Но кое-как перебрались... Поблизости никого не видно. Некого Алешке спросить, посоветоваться. Он сломал ивовый прут, хлестнул им Орлика, и тот ушел в сторону фермы. Алешка надеялся: увидят, что Орлик

вернулся один, придут выручать. Снова перебрался по плотине на другой берег. Сапоги полны воды, весь в грязи — ни одной сухой нитки нет на Алешке. Опять тужился, вертелся около ворот — ничего не получается. А вода из запруды все сильнее хлещет через край, нужно выпускать во что бы то ни стало.

День клонился к вечеру. Алешка на берегу. Наохлился, как мокрый воробей, замерз. Но не уходил, стоял, надеялся неизвестно на что... И вдруг... Сорвался Алешка с места и помчался вдоль берега вниз. Повернул в поле. Как же он раньше не догадался! Теперь он знал, что делать. Ведь тракторная бригада находилась совсем рядом. Там стояла будка, и сейчас в ней, наверное, прячутся от дождя трактористы.

Спешил Алешка рассказать о беде, бежал за помощью... Дождь сек его по лицу, словно кнутом. Не раз падал, извалялся в грязи еще больше. Облепленные грязью сапоги были тяжелы, что гири. Бежать было трудно. Алешке не хватало воздуха, и он разевал рот, как рыба, вынутая из воды, дождевая вода текла по лицу, стекала на губы солеными от пота струйками.

Вот, наконец, и будка! А в будке... никого. Даже сторожа нет. Мертвые трактора стояли молча. Выходит, напрасно бежал? Но нет, не такой парень Алешка, чтобы растеряться!

Сбросил Алешка мокрую фуфайку, по привычке засучил рукава, повернул кепку козырьком назад, как это делают трактористы. Намотал пусковую веревку, раз дернул, другой — мотор даже и не чихнул. Разозлился Алешка, снова намотал веревку и рванул изо всей силы. Наконец! Мотор застрелял, раскатился пулеметной дробью. Алешка уже в кабине. Запустил дизель, зажег фары и слез поискать буксирный трос. Прицепил трос к тяговому крюку и тронул трактор с места. Ревущая машина двинулась вперед, в темноту. Столбы света от фар метались впереди огненными мечами.

Вел Алешка трактор — сердце радовалось. Забыл и усталость. От мотора несет теплом, фары прокладывают светлую дорогу впереди трактора. Показалась река. Шума воды не было слышно, его заглушал рев мотора. Вот и запруда, вот и ворота сливной канавы.

У ворот Алешка остановил трактор, слез. Подтянул волочащийся трос и прицепил один конец к переднему крюку, а другой к воротам. Снова забрался в кабину и дал задний ход. Трос натянулся, трактор взревел еще сильнее, и ворота рухнули. Вода бурным потоком хлынула в канаву. Алешка загляделся, а трактор все пятится, пятится. Вот он уже

на берегу канавы. Резким толчком трактор накренился набок. Алешку бросило на дверцу кабины. Дверца распахнулась, и Алешка вывалился в мутный холодный поток. Ничего не успев сообразить, он машинально уцепился за трос, тянувшийся от ворот. Он держался за трос обеими руками, но вода давила все сильнее и тянула вниз. Пучки конопли, несшиеся по воде, хлестали по голове. Поплыли перед глазами Алешки оранжевые шары... Руки его разжались... Мутная вода скрыла Алешку...

* * *

Орлика у конюшни встретил Чужой Иван. Посмотрел, подождал, — мальчишки нет. Отвел Иван лошадь в сторону и начал распрягать. Думал, вот-вот Алешка появится. Нет Алешки! Чужой Иван вызвал Митрича с фермы.

— Что-то нет мальчишки, Орлик один пришел.

— По какой дороге пришел Орлик?

— По полевой.

— Через плотину ехал... Не случилось ли чего?..

Митрич заволновался, побежал в правление. Алешки и там не было. В правлении собралось много народу: Иван Ефимович, бригадиры, сидел там и тракторист Миколь, но Алешки не было. Узнав о том, что лошадь вернулась одна, Иван Ефимович забеспокоился и предложил немедленно идти к плотине. Все быстро оделись и вышли на улицу.

Темнело. Дождь начал утихать, но холодный ветер все еще гулял, громы хал железом на крышах. Митрич торопился. Он вернулся на конюшню, вывел Орлика, сорвал со стены фонарь «Летучая мышь» и помчался по полевой дороге. Откуда-то из-за угла вымахнул Цоп и понесся вслед за Митричем.

Мужики отправились пешком. Иван Ефимович с Чужим Иваном запрягли в тарантас лошадь, поехали к плотине.

Мчится верхом Митрич, трясутся в тарантасе Иван Ефимович с трактористом Миколом и сторожем. Торопятся мужики...

* * *

Вода, оторвав Алешку от троса, унесла его много ниже плотины и выбросила на берег, в кусты, занесенные илом. Избитый, нахлебавшийся воды Алешка лежал без сознания.

Митрич прискакал к плотине, осадил Орлика. Слез и, держа лошадь под уздцы, перевел ее через насыпь. Вода в запруде понизилась. Связки конопли грудой лежали

у самой плотины. По водосливной канаве все еще хлестала вода. Ворот не было. На их месте вода вырыла широкий проход.

Митрич осмотрелся, прошел вдоль канавы вниз и... что это? Будто трактор стоит... Откуда он взялся? Подошел ближе. Трактор! Свесился над канавой, чуть не на боку лежит. Кто его сюда привел?

— Кто здесь? — крикнул Митрич.

Тишина. Никто не отозвался. Увидел на переднем крюке трос и на конце троса занесенные илом ворота. Кто это сделал? Где он?

Подъехал Иван Ефимович. Бросив лошадь, они с трактористом перебежали плотину и подошли к Митричу. Митрич кинулся к ним навстречу.

— Миколь, где у тебя сегодня напарник?

— Дома.

— Кто же сюда трактор привел?

— Какой трактор?

Митрич показал рукой. Миколь подошел к своему трактору и стал разглядывать его, будто впервые видел.

— Сейчас заведу! — крикнул тракторист. Он сбросил плащ и осторожно протиснулся в кабину. — Эх, темно, ни черта не видно.

Митрич зажег фонарь, подал трактористу.

— Здесь картуз чей-то! — воскликнул Миколь.

Митрич взял картуз, увидел знакомый светлый козырек.

— Иван Ефимыч, где ты? Ведь картуз-то Алешкин!

— Что ты кричишь, Митрич? — председатель подошел ближе.

— Картуз-то Алешкин... — с дрожью в голосе повторил Митрич.

— Алешкин! А сам он где же?

— Алеша! Але-о-о-о-шка-а-а! — закричал Митрич.

Никто не ответил. Митрич вконец разволновался.

— Загубили мальчишку!

Миколь завел трактор и вывел его из канавы. Вслед за трактором вылезли на берег и ворота. Светом фар Миколь прощупывал берега запруды. Трактор крутился на месте, освещая разные участки берега. Мужики бродили по бе-

регу, искали ниже и выше плотины — нигде не было мальчишки. Кричали, шумели — никто не отзывался. Митрич без толку бродил из конца в конец...

Первым набрел на Алешку Цоп. Он подбежал к мальчишке, обнюхал его, лизнул в холодную щеку. Постоял, помахал хвостом. Была у них такая игра летом — притворялся Алешка спящим. Только на этот раз Алешка, видно, не хотел просыпаться. Покрутился Цоп возле Алешки, лизнул еще раз, цапнул лапой. Мальчишка молчит. Тявкнул Цоп раз, другой, да и залаял во всю мочь от обиды. Не встает хозяин, как раньше, не дает ему хлеба. Бегал Цоп вокруг Алешки, лаял уже взалхлеб, будто кричал. Ну поиграли, и уже хватит... довольно... вставай! Но и теперь не поднимался Алешка.

Лай собаки первым услышал Митрич. Побежал Митрич на собачий лай и увидел

Алешку. Лежал он перед Митричем мокрый, залепленный грязью и бездыханный. Митрич подхватил мальчишку на руки. Несет, а голова Алешкина свесилась через руку, мотается.

Вышел Митрич к плотине и остановился в растерянности. Понял он, что тонул Алешка. Может быть, и неживой уже?.. Опустил Митрич Алешку на землю, расстелил плащ. Взял Алешку и перегнул его через свое колено. Полилась у мальчишки изо рта вода. Обрадовался Митрич, уложил Алешку на спину и начал делать искусственное дыхание. Остальные собрались вокруг них. Стояли молча.

— В тепло бы его... — сказал Митрич.

Наконец Алешка вздохнул, и вместе с ним облегченно вздохнули все, кто стоял рядом.

— Живой! — крикнул Митрич. — Только пульс очень слабый, сердце едва работает...

— Давайте тарантас! — распорядился Иван Ефимович.

— Эх, догадался бы тракторист печь истопить, нагреть будку.

Кто-то из мужиков подбежал к Орлику, вскочил на него и помчался к будке. Митрич снял с себя пальто, укутал Алешку. Подъехал тарантас. Митрич сел, держа на руках Алешку. Сел и председатель.

— Алешку нашли! — крикнул прискакавший к будке бригадир. — Сейчас привезут! Давай, Миколь, разжигай печку!

Миколь сунул в печку облитые мазутом тряпки, поджег. Достал из-под топчана сухих дров и затолкал в печку. Повеяло теплом.

Внесли Алешку в будку и положили на топчан. Раздели, стянули сапоги, полные грязной воды. Митрич снял со стены полотенце и принялся растирать посиневшее Алешкино тело. В будке стало совсем тепло.

— У тебя, Миколь, никаких лекарств нет? — спросил Митрич.

— Есть только мед, — Миколь виновато взглянул в сторону председателя колхоза.

— Поставь чайник на огонь, согрей воды. Митрич долго хлопотал возле Алешки. Растер его, как следует, напоил чаем с медом.

Понемногу потянулись домой мужики. Председатель сел в тарантас и хлестнул лошадь. Он торопился вернуться в село, чтобы прислать к Алешке фельдшера. Алешку решили из будки пока не перевозить.

Не успел Иван Ефимович въехать на околицу, весть о несчастье разлетелась по всему селу. Андрейка, как услыхал об этом, не стал никого ждать, один бросился бежать в темноту, в поле.

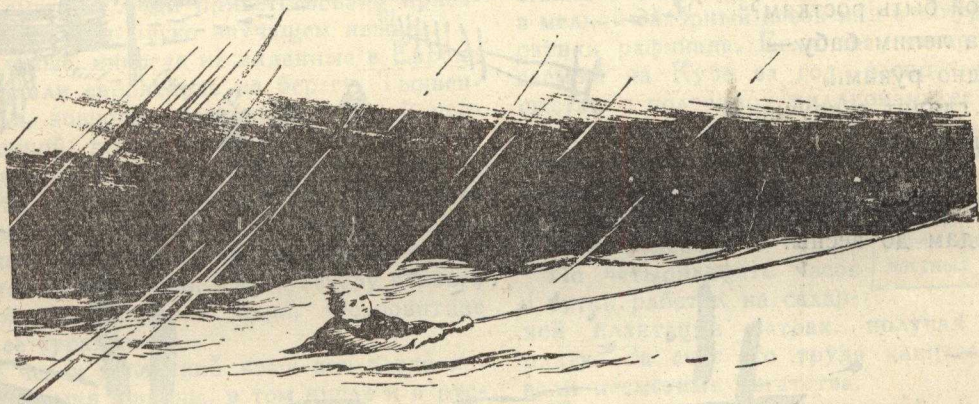
Завели машину. Собралась в дорогу фельдшерица. Марина принесла чистое белье, носки, джемпер и разной еды. По дороге машина обогнала Андрейку. Шофер его и не заметил.

Алешка уже был переодет в чистое, когда прибежал Андрейка. Андрейка бросился к нему.

— Алешка, живой ты?

— Орлик домой пришел? — шепотом спросил Алешка.

— Эх, ты, башка, нашел о чем спрашивать, — сказал Андрейка и засмеялся.

Лес

Н. Гольдин

На оконных стеклах сосны
Мне мороз нарисовал.
Ну и лес!
Как наш колхозный, —
Тут — и дятел и сова...
Все сидят на снежных ветках,
Словно в серебристых клетках...

Здесь и елки встали в ряд,
Все искрятся и блестят...
Вся в сугробах в лес дорожка, —
Вижу я на ней лису!..

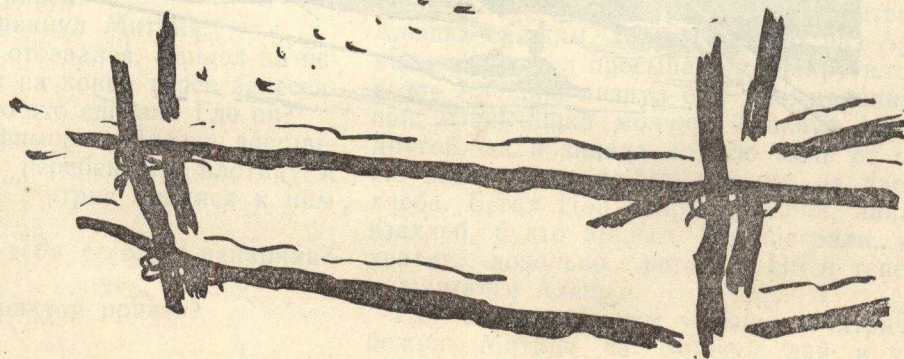
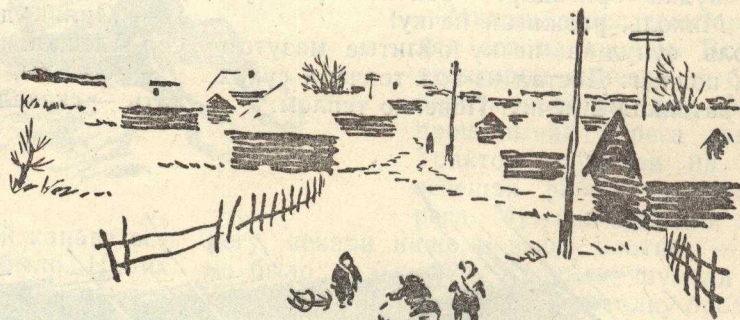
Хорошо мне у окошка:
Я и дома, и в лесу.

БЕЛАЯ ОВЧИНА

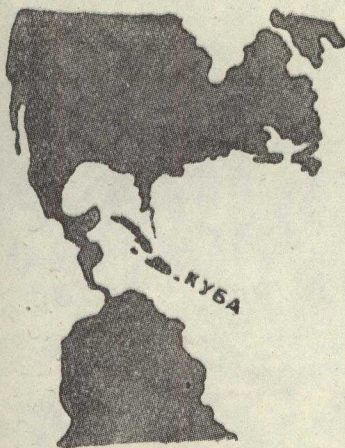
И. Василевский

Возле хаты на морозе
В теплой шубе ходит дед.
И ворчит, что мерзнет озимь
Потому, что снегу нет.
Разве снег, сугроб хотя бы,
Может шубой быть росткам?
Мы из снега лепим бабу —
Очень холодно рукам...
Только дед глядит с кручиной
На открытые холмы...

Снег, как теплая овчина,
Нужен всходам до весны!

Остров, сбросивший цепи

А. Дрицко, М. Ульман

Освещенный яркими лучами солнца, остров был необычайно красив. Широкой каймой тянулись по берегу рощи величавых пальм. А дальше, у самого горизонта, в небо вздымались горы, покрытые вечнозелеными лесами... Даже бывалым морякам еще не приходилось видеть ничего подобного.

Остров не был необитаем. К испанским кораблям уже подплывали узкие длинные лодки. Стройные смуглые люди приветствовали приезжих на незнакомом мягко звучащем языке...

Удивительные, никогда не виданные в Европе растения ждали европейцев на берегу. Тыквенные деревья, эбеновые деревья с твердой черной древесиной, гевей, соком которых местные жители пропитывали свои лодки... А в Европе лишь двести лет спустя поняли, что гевея — это драгоценный каучуконос!

Скоро испанцы узнали, что не всегда остров так безмятежен и спокоен. Уже к вечеру первого дня поднялась страшная буря. Островитяне называли ее «ураганом».

Позднее через испанский язык это слово вошло во все языки Европы, в том числе и в русский.

Что же это за остров и кто его открыл?

Но ведь вы давно знаете об этом человеке. Звали его Христофор Колумб. И открыл он не только остров, о котором мы рассказали, но и новую часть света — Америку.

А остров... Вот он на карте, небольшой кусочек суши, похожий не то на ящерицу, изогнувшуюся в прыжке, не то на причудливой формы корень. Лежит в синем Карибском море у бере-

гов Центральной Америки, и рядом с ним — короткая надпись «Куба».

Местные жители-индейцы гостеприимно встретили испанцев. И очень скоро раскаялись в этом: остров превратился в колонию, а жители его — в рабов.

Не сразу удалось колонизаторам покорить свободолюбивых индейцев. Островитяне поднимали восстание за восстанием.

После одного ожесточенного боя испанцы захватили в плен касика — вождя индейского племени. Его приговорили к сожжению на костре. Перед началом казни к касику подошел монах с крестом в руке.

— Прими христианскую веру, и после смерти ты попадешь в рай, — сказал он.

— А испанцы, когда умрут, тоже попадут туда? — спросил индеец.

— Конечно!

Касик оттолкнул монаха.

— Если испанцы будут в раю, — воскликнул он, — я туда не хочу!

Куба оставалась испанской колонией четверста шесть лет. В самом конце XIX века всенародное восстание смело испанских колонизаторов. Страна получила название независимой республики. Но на смену одним колонизаторам пришли другие.

Много богатств таит Куба. Сахарный тростник занимает четверть территории острова. На сахарных заводах из стеблей тростника выдвигают сладкий сок, сгущают его, превращают в мелкий сахарный песок или в аккуратные квадратички рафинада. Если весь сахар, вырабатываемый на Кубе за год, распределить между шестью с половиной миллионами ее жителей, то на долю каждого придется почти тонна. Почти весь сахар шел на вывоз, прежде всего в Соединенные Штаты Америки.

По четырнадцать часов в сутки работал на сахарной плантации батрак, получая ничтожную плату. За счет его труда капиталисты наживали несметные богатства.

Почти половина плантаций принадлежала американцам. Самые крупные заводы тоже находились в их руках. Американцы опутали Кубу сетью кабальных торговых договоров.

«Моя родина кажется сахарной, но сколько горечи в ней...»

Так писал крупнейший кубинский поэт Николас Гильен.

Чтобы удержать кубинский народ в повиновении, американцы поставили у власти на Кубе

Кубинская республика расположена на 1600 островах. Самый крупный из них — остров Куба.

На Кубе говорят по-испански, кубинского языка не существует. Однако в языке островитян около семи тысяч местных слов.

**Мачетере (так на Кубе называют оборзчиков сахарного тростника) за работой. (Верхний снимок.)
Вот он перед вами, „барбадо“, участник „Движения 26-го июля“.**

Год назад на улицах города Гаваны. (Верхний снимок.)
Повстанцы с Фиделем Кастро в январе 1959 года въезжают на танке в столицу Кубы.

своего верного слугу Батисту. Никогда еще на острове не жилось так тяжело, как в это время. Сто пятьдесят тысяч человек вынуждены были покинуть родину, спасаясь от преследования. Двадцать тысяч были расстреляны и замучены в тюрьмах.

Стихотворение «Блэк энд уайт» («Черное и белое») написано В. Маяковским на Кубе.

Однажды иностранный корреспондент спросил Батисту:

— Какие партии вас поддерживают?

Диктатор ответил:

— Их три: армия, флот, полиция.

...В ночь на 2 декабря 1956 года к восточному побережью Кубы подошел небольшой корабль. На берег высадились группа вооруженных людей. Построившись, она бесшумно двинулась по едва заметной тропинке в горы.

Через несколько месяцев об этом событии рассказали газеты всего мира. В ту ночь, однако, о Фиделе Кастро, руководителе восстания, и его восьмидесяти товарищах можно было

узнать только из полицейского донесения агентов Батисты.

В течение нескольких лет чемпионом мира по шахматам был кубинец Хосе Рауль Капабланка.

К побережью стянули войска. В неравном бою большинство повстанцев

погибло. Но Фидель Кастро и его друзья, ускользнув от преследования, скрылись в отдаленном горном районе Сьерра Маэстра.

Батиста рано торжествовал победу. По всей провинции Орьенте прошла весть о том, что в горах собираются люди, которые хотят освободить Кубу, свергнуть диктатора, сурово наказать его приспешников, дать землю крестьянам. Отряд Кастро рос, и скоро пламя восстания охватило весь восток Кубы.

«Кампесинос» — крестьяне — поджигали плантации и, вооружившись мачете, — ножами для

Для создания своего «Острова сокровищ» писатель Стивенсон изучал книги об острове Пинос — втором по величине в республике Куба.

резки сахарного тростника, — присоединялись к повстанцам. Через линии вражеских войск в отряд Фиделя Кастро приходили рабочие из столицы и провинциальных городов.

Лучшие сыны кубинского народа — коммунисты боролись за независимость Кубы.

В партизанской войне участвовали не только взрослые. Мальчики и девочки Кубы были разведчиками в отрядах Кастро, подносили патроны, спасали от врага раненых, прятали повстанцев от жандармов...

Два года продолжалась героическая борьба. И новый 1959 год кровавый Батиста уже не

смог встретить в своем роскошном дворце под охраной вооруженных до зубов гвардейцев. В новогоднюю ночь Батиста бежал, бросив свои войска и... захватив с собой значительную часть кубинской казны.

Второго января войска Кастро заняли Гавану — столицу Кубы. Сотни тысяч гаванцев вышли на улицы, чтобы приветствовать освободителей.

Прошло немногим больше года.

Все меньше становится на Кубе помещиков. Скоро совсем не будет владельцев плантаций. Помещичью землю бесплатно передают крестьянам. В районе Сьерра Маэстра, где началось восстание Фиделя Кастро, земельная реформа уже проведена.

Если еще несколько лет назад в школу ходила лишь половина живущих на Кубе ребят, то теперь могут учиться почти все. За последний год открыто больше новых классов, чем за предыдущие пятьдесят лет.

Повышается заработная плата. Доступной становится плата за квартиру и медицинское обслуживание.

Завоевания Кубинской республики охраняются Революционной армией. Сюда пришли бывшие бойцы отрядов Кастро — «барбадос». Свое название («бородастые») они получили за клятву не стричься и не бриться, пока не добьются победы. Прекратила свое существование ненавистная тайная полиция — кубинское гестапо — СИМ.

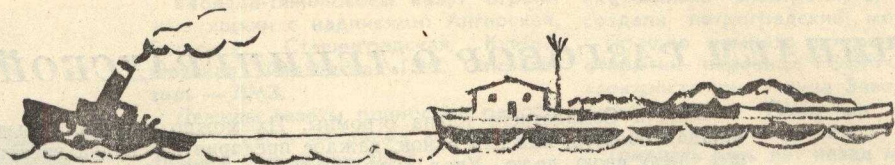
И все-таки бывшие хозяева Кубы всеми силами мешают жить молодой республике. Они организуют контрреволюционные заговоры против нового правительства. Стреляют из-за угла в солдат и офицеров Кастро. Бросают гранаты в дома, где помещаются революционные учреждения. Над городами и селами страны появляются «неизвестные самолеты», бомбят и обстреливают мирное население, а потом улетают...

Капиталисты боятся, что народы других стран последуют примеру кубинцев.

Рядом с Кубой находится остров Гаити. На нем расположены две республики — Гаити и Доминиканская. И здесь у власти стоят диктаторы. И здесь, особенно в Доминиканской республике, жизнь простых людей тяжела и беспросветна.

Если на Гаити произойдет то же, что на Кубе, американское влияние в Карибском море будет потеряно безвозвратно. Поэтому бывшие колонизаторы прилагают все усилия, чтобы вновь подчинить себе Кубу.

Им это не удастся!

...что такое капрон?

— Еще бы не знать! Сколько раз видел! Капроновые чулки, носки...

— Вот и ошибаешься. Капрон — это твердая белая смола; искусственный продукт, который получают из нефти или из каменного угля.

Капроновую смолу можно превратить в вязкую, как сироп, жидкость, а из нее уже — «вытянуть» нити, подвергая смолу дальнейшей переработке.

...Идет по реке буксир, тянет за собой баржу. Не на толстом пеньковом и даже не на стальном, а на капроновом канате. Канат свивают из отдельных капроновых нитей. А каждая нить толщиной в полтора миллиметра выдерживает тяжесть, равную весу взрослого человека.

...что из опилок и стружек — отходов древесины, которые раньше вывозили на свалку или сжигали как мусор, можно построить дом?

На первый взгляд в этом доме нет ничего примечательного. Стены как стены, потолок, крыша...

Уже два года стоит во дворе Центрального научно-исследовательского института в Москве этот дом. Именно дом, а не гора опилок и не груда стружек. Стоит — и не «взять» его ни дождям, ни морозам, ни ветру, ни солнцу. Дом «ведет» себя так, как все его собратья.

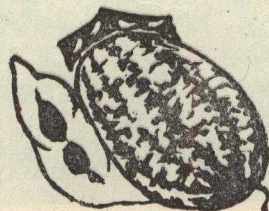
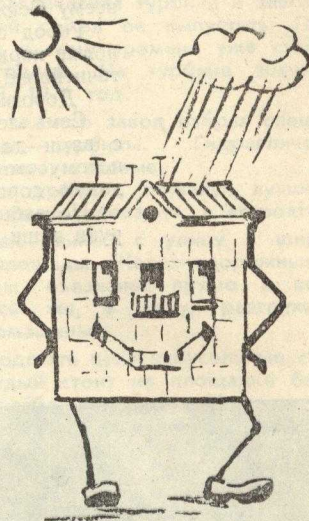
Чтобы получить стройматериал для такого дома, опилки и стружки пропитывают, клеем или раствором искусственной смолы. Густую плотную массу заливают в формы и ставят под пресс. Проходит несколько минут — и плита готова.

...что алюминий и огурцы, медный купорос и пшеница — хорошие друзья?

Раньше в холодные бесснежные зимы пшеница в Сибири вымерзала.

Химики попробовали вымачивать семена пшеницы перед севом в растворе медного купороса. Это дало хорошие результаты: медный купорос спас пшеницу.

Огурцы, дыни, тыкву, горчицу надежно защищают от мороза алюминиевые соли.

*Без ручейка — не быть реке.
Без реки — не быть океану.*

НАЧИНАЕМ РАЗГОВОР О ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЕМИЛЕТКЕ

Задачи Семилетнего плана огромны. Их можно решить, только если каждая область, каждый район, каждое предприятие сполна внесут в общее дело свою долю. Урал, Сибирь, Украина, Прибалтика, — все наши края и города трудятся над своими «семилетками».

Есть такая семилетка и у Ленинграда. И очень ответственная: ведь по всему Союзу расходуется продукция ленинградских заводов и фабрик.

Город станкостроения и машиностроения, город, где закладываются новые корабли и выпускаются новые телевизоры, город большой химии и точнейших приборов — вот что такое сегодня Ленинград.

Дорогие ребята, читатели «Костра»!

Семь лет — очень небольшой исторический срок. Но за этот срок мы с вами должны сделать решающий шаг в Коммунизм. Мы с вами, — потому что через семь лет вы тоже станете взрослыми и вступите на трудовую дорогу своих братьев и отцов.

Не забывайте об этом. Пусть ум ваш вооружается знаниями, пусть руки ваши не боятся работы.

*Л. Г. Шершень,
председатель технико-экономического совета
Ленсовнархоза*

ТРУЖЕНИК

Г. Порховник

Поезда-тяжеловесы везут огромные ящики с надписями: Ангарская, Братская, Сталинградская, Куйбышевская, Фархадская ГЭС. Отправитель — ЛМЗ.

Дважды газеты приносили радостную весть — двумя орденами Ленина награжден ЛМЗ.

На Брюссельской выставке заседает жюри. Секретарь пишет: «Гран при» — Большая золотая медаль — присуждается ЛМЗ.

Букву за буквой отстукивает телеграф: «ЛМЗ, бригаде Ромашова. Дорогие товарищи! Центральный комитет ВЛКСМ приветствует вас, инициаторов замечательного почина создания и развертывания соревнования бригад коммунистического труда...»

Телеграмма идет в Ленинград. На Свердловскую набережную.

На Свердловской набережной не гуляют. У прохожих там деловая походка. У многих — значок в петлице. На значке — те же буквы: ЛМЗ.

Ленинградский Металлический завод.

В его столетней истории много разных страниц. Здесь делали ножи и вилки, кастрюли и ведра, корабли, мосты, порталные краны, котлы и насосы, — почти все, что люди умеют делать из металла.

Кого теперь удивит электрический плуг? А сорок лет назад Владимир Ильич Ленин специально приехал посмотреть на его испытания.

Тогда-то впервые вместе с ленинским планом ГОЭЛРО и были названы три буквы — ПМЗ, выбитые

на лемехе электроплуга, который создали петроградские металлисты.

Прошло немного времени — и на открытии первенца ГОЭЛРО, теплоэлектростанции Уткина Завод, снова заговорили о ПМЗ. Он изготовил для нее паровые котлы.

Тридцать пять лет назад мир впервые должен был признать, что в Советской России есть собственная гидравлическая турбина и завод, который сумел ее выпустить. Петроград к тому времени уже стал Ленинградом. На турбине значилось: ЛМЗ, 1924 год.

С тех пор завод избрал специальность — турбины. Гидравлические, паровые, газовые.

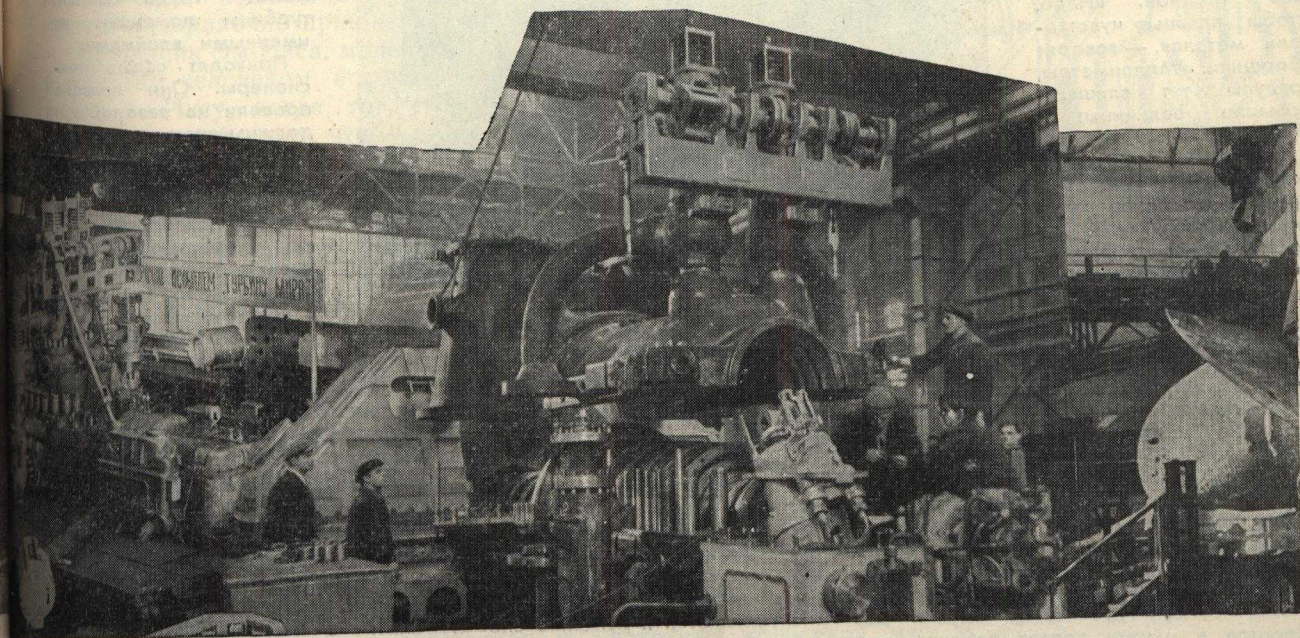
О турбинах, пожалуй, лучше говорить не «делают», а «строят».

Цех длиной с улицу и шириной с площадь. Железнодорожные составы въезжают прямо в ворота, здесь же, в цеху, разгружаются автомашины.

Подстать цеху карусельные станки. Каждый стоит на площадке больше баскетбольного поля. На верху станка — пульт управления. К нему, как на палубу корабля, ведут стальные лесенки-трапы. Если подняться и взглянуть в окно, — крыша соседнего трехэтажного здания окажется внизу.

Кран подтащил для обработки детали. Рядом с ней слон покажется маленьким и легким, она весит в двадцать раз больше — около ста тонн. Это корпус рабочего колеса очередной турбины для Сталинградской ГЭС.

Фото А. Хазово

Завертелась «карусель» — гигантская планшайба станка, — и корпус колеса турбины, установленный на ней, уже не кажется таким огромным.

Рядом — токарные станки. Среди них тоже есть гиганты: можно установить для обработки деталь выше дома в четыре этажа.

На участке мелкомеханических деталей, как на параде, выстроились готовые болты для крепления лопасти турбины к рабочему колесу. Эти «мелкие» детали ростом едва ли не с первокурсника.

Но есть и по-настоящему мелкие. Целый день работает токарь, кончится смена — и все, что он сделал, уместится в спичечной коробке.

В дальнем углу цеха — шлифовальный участок, «парикмахерская металла».

Издали кажется, что кто-то без конца запускает фейерверк. Веселые потоки огня вылетают из-под шлифовальных кругов. Это снимают неровности с лопасти турбины, делают ее поверхность гладкой, блестящей.

Фрезеровщики фрезеруют муфты и втулки.

Строгальщики строгают цилиндры.

«И идет работа всех Прямо в сборочный цех».

Сборочного цеха, правда, на заводе нет. Есть стенд, на котором собирается и испытывается турбина.

Собрать турбину — самое трудное. «Надо, чтобы пальцы чувствовали металл», — говорят сборщики. Миллиметры, градусы тут слишком большие величины; в счет идут их сотые доли.

Скажут «ювелирная работа» — и невольно представишь себе ювелира в белом халате, с лупой у глаза, щипчики, пинцеты, крошечные молоточки...

Здесь, в цехах, огромные станки. Детали поднимают мощными кранами. А делают и собирают их так, что, к примеру, между основаниями лопаток двухметрового рабочего колеса не должен проходить щуп толще двух сотых долей миллиметра. Волос — и тот вдвое толще.

Нельзя иначе. На лопасти с высоты десятков метров обрушатся сотни тонн воды. Малейшая неточность, ошибка, невидимая глазу, — и прощай электростанция!

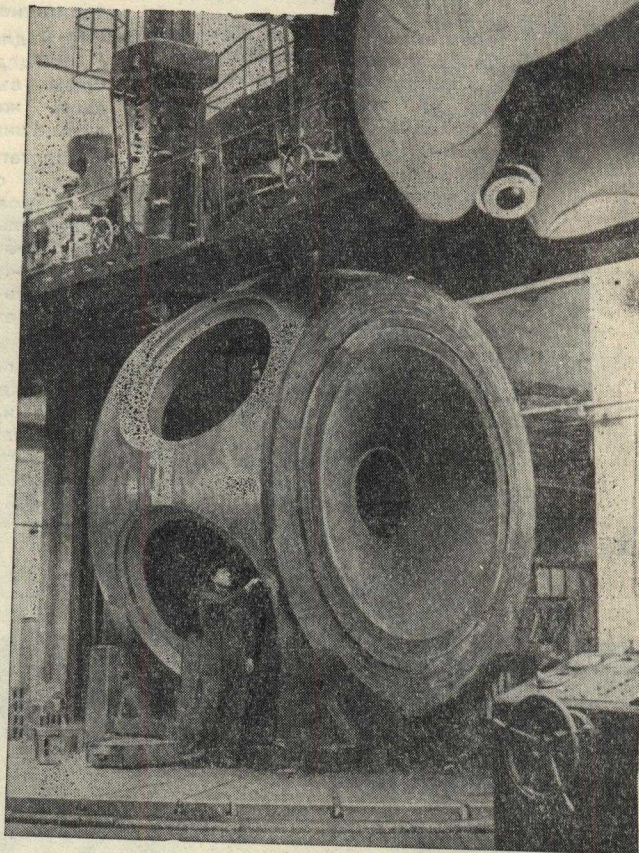
Или паровая турбина. Три тысячи оборотов в минуту делает рабочее

колесо ее ротора. От Ленинграда до Москвы оно добежало бы менее чем за полчаса. Чтобы ротор вращался с такой скоростью, пар в турбину подают под давлением в сто тридцать атмосфер и нагретым до пятисот шестидесяти градусов.

Вот какие нагрузки должны выдерживать турбины!

Недаром на сборке работают самые опытные на заводе мастера, мастера — золотые руки.

Собрана турбина. Десятки приборов прислушиваются к дыханию «новорожденной».

Испытатели в эти дни немногословны. На вопросы отвечают скупое. А вопросов много. И спрашивающих много.

Приходят инженеры из конструкторского бюро — турбина построена по их проекту.

Приходят парни из бригад коммунистического труда — детали турбины помечены их именными клеймами.

Приходят седые пенсионеры. Они полвека провели на заводе, они должны знать, как работает завод сегодня.

Правда, как сегодня работает завод-гигант?

Уже построены турбины мощностью в двести тысяч киловатт. Но это — лишь начало семилетки. В конструкторском бюро

завода создаются чертежи невиданных в мире агрегатов — до шестисот тысяч киловатт мощностью! Только две таких громадины могли бы полностью заменить все электростанции царской России.

Контрольные цифры Семилетнего плана гласят: в 1965 году производство электроэнергии в нашей стране достигнет пятисот двадцати миллиардов киловатт-часов.

Большую часть этой энергии дадут турбины с маркой ЛМЗ завода-гиганта, труженика Великого Плана.

История одного большого ума и одного маленького сердца

Элио Ренель

Рисунки А. Януса

Жил однажды на свете высокий тощий старик с длинным острым носом и реденькой бородкой. Звали его Эм-Икс. И хоть был он очень несимпатичным человеком, никто ни разу не сказал ему прямо в лицо:

— Вы, синьор, очень противны!

И люди, встречая его на улице, снимали шляпы и говорили:

— Добрый день, маэстро!

А все потому, что Эм-Икс был знаменитым и важным ученым.

Эм-Икс занимался тем, что собирал какую-то необыкновенную машину, которая должна была обладать удивительными свойствами. Эм-Икс называл ее «Большой ум». Он мечтал с ее помощью стать властелином мира. Он хотел, чтобы у машины был острый и точный механический мозг и чтобы она могла создавать оружие, обладающее огромной разрушительной силой.

Будь у Эм-Икса такое оружие, он стал бы, конечно, самым могущественным и самым страшным человеком на земле.

Каждое утро рано-рано Эм-Икс отправлялся в свою лабораторию, где его ждал помощник Луиджи. Эм-Икс запирал все двери на ключ и лихорадочно принимался за работу.

Помощник Эм-Икса, маленький толстенький Луиджи, был умным и хорошим человеком, но очень простодушным. Он чистосердечно верил Эм-Иксу, когда тот уверял, что строит свою машину на пользу людям и хочет, чтобы она помогала школьникам решать задачи, сокращала служащим сложные подсчеты и производила бы инженерам труднейшие вычисления.

И Луиджи усердно помогал Эм-Иксу, старался аккуратно выполнять каждое его распоряжение. Но Эм-Икс был вечно недоволен Луиджи, все время его ругал. У Эм-Икса был очень плохой характер, — он не любил людей.

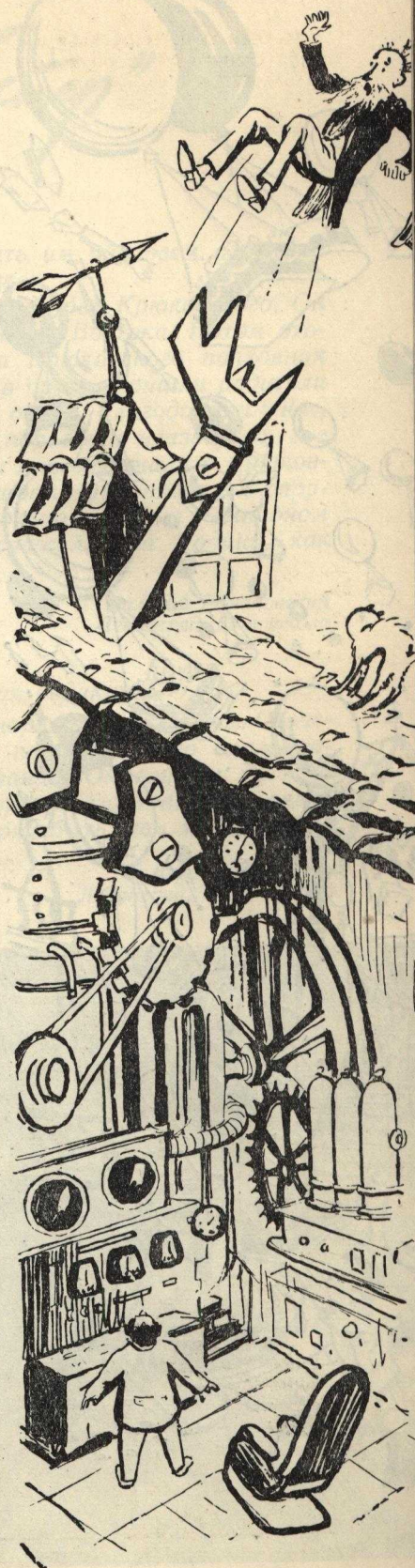
— Дурак! — говорил он Луиджи.

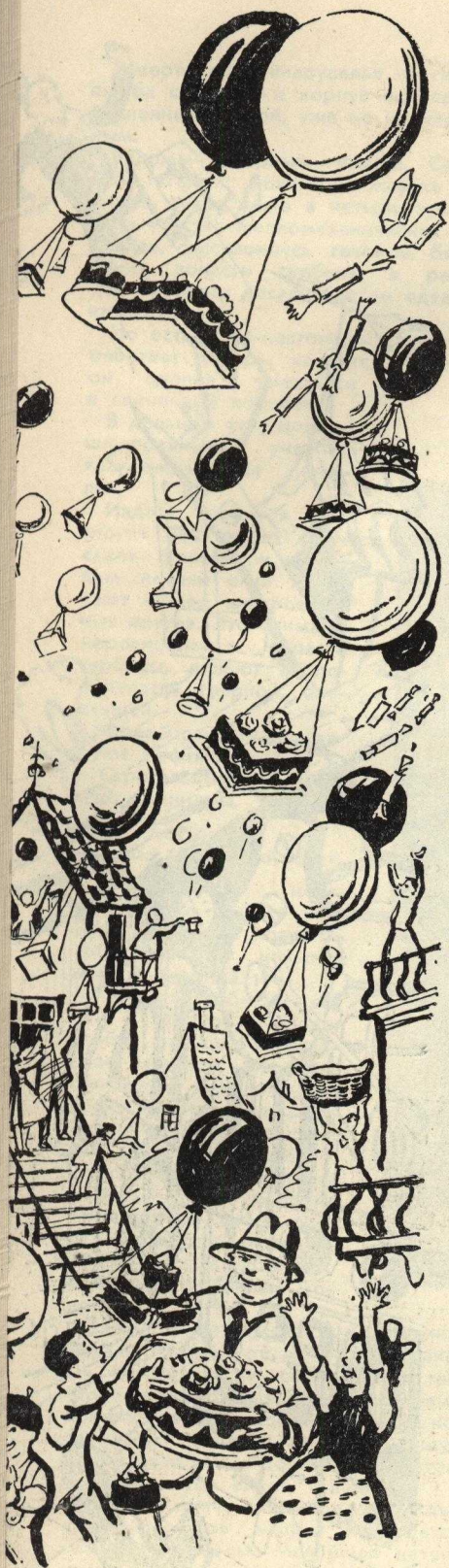
И Луиджи молчал, потому что ведь нельзя возражать знаменитому ученому, если ты просто скромный помощник.

— Ты ничего не умеешь делать! — кричал на него Эм-Икс.

И Луиджи опять молчал. А про себя улыбался. Неправда! Ученый ошибается, он, Луиджи, тоже умеет кое-что и уверен, что Эм-Икс скоро похвалит его.

Каждое утро Луиджи приходил в лабораторию на час раньше Эм-Икса и наводил там порядок. Он мыл, чистил, вытирал пыль, возился с колбами и пробирками... А кончив уборку, он забирался внутрь машины, протискиваясь между сложными механизмами, состоящими из огромных маховиков и крохотных колесиков, из

каких-то клапанов и перепутанных проводов, и принимался за свою таинственную работу.

И вот настал день, когда Эм-Икс объявил, что машина готова и остается только испытать ее. Он подошел к большому светящемуся пульта управления, нажал какие-то кнопки, опустил какие-то рычаги и торжественно заявил:

— Сейчас машина разрушает город Ньюаполь!

— Разрушает? — воскликнул удивленный Луиджи.

— До основания, — подтвердил Эм-Икс. — Я отдал приказ, и «Большой ум» не оставит камня на камне от этого города.

Затем, как будто он совершил какое-то очень доброе дело, Эм-Икс спокойно принялся ждать известий.

А Луиджи горько заплакал.

Минут через двадцать Эм-Икс подошел к радиоприемнику и включил его.

— Внимание! Внимание! Внимание! — раздалось из радиоприемника. — В Ньюаполе происходят совершенно невероятные события. Над городом внезапно появились миллионы цветных воздушных шариков! Каждый шарик несет на веревке большой красивый торт! Во всем городе из водопроводных кранов вместо воды льется чудесное сладкое вино! С неба на город сыпется леденцовый град! Необычайное стихийное явление, не нашедшее еще научного объяснения, представляется ученым...

Но дальше Эм-Икс не стал и слушать. Он подскочил к «Большому уму» и набросился на него с криком и бранью:

— Дурак! Ты должен был разрушить Ньюаполь! Ты должен был стереть его с лица земли! Ты ничего не понял! Ты не большой, а жалкий и ничтожный ум! Любая обезьяна, любая курица, даже улитка умнее тебя! Ты...

Но «Большой ум» оказалась не из тех машин, которые легко сносятся подобными оскорблениями. Она протянула один из своих огромных рычагов, схватила ученого за шиворот и вышвырнула его в окно, да так далеко, что с тех пор никто никогда больше не видел Эм-Икса.

А Луиджи стал известным ученым, и «Большой ум» слушалась теперь только его. Ведь это благодаря Луиджи был спасен город Ньюаполь. По утрам, когда Луиджи приходил в лабораторию раньше Эм-Икса, он мастерил машине маленькое металлическое сердце, металлическое, но доброе и благородное сердце, которое работало, как настоящее.

Луиджи стал большим ученым. А все потому, что всегда думал только о мирных и полезных изобретениях. И где бы он ни появлялся, люди улыбались ему:

— Вот идет наш добрый ученый!

Луиджи создал еще множество замечательных машин, помогающих людям. И никто никогда не осмеливался заводить в его присутствии речь об убийствах и разрушениях. Все знали: если такой человек появится, то с ним произойдет то же, что и с Эм-Иксом, — его тоже схватят за шиворот и отбросят далеко-далеко, так что его никто никогда не увидит.

Вот какова история «Большого ума» и одного «Маленького сердца».

Перевела с итальянского И. Константинова

ПАМЯТНИК НА ПЛОЩАДИ ЦВЕТОВ

И. Григорьев

Рисунки Ю. Смольникова

Площадь живет будничной жизнью. Спешат рабочие — в руках бумажные пакетики с едой. Прогуливаются богатые иностранцы. Семят монахи, похожие в своих сутанах на больных ворон.

Сверху, с постамента, смотрит на черные сутаны Джордано Бруно. Кажется, он сейчас снова скажет, как тогда, в феврале 1600 года: «Вы произносите приговор с большим страхом, чем я его выслушиваю».

* * *

Веками церковь вдалбливала одну и ту же мысль: чело-

век — раб божий, всякая власть на земле священна; порядки на земле вечны, как вечна и неизменна сама земля. Не бунтуй. Покоряйся кресту и плетке.

— Ложь! — сказал Джордано Бруно, молодой монах доминиканского монастыря.

Бруно заявил: все в мире движется. Двигается Земля вокруг Солнца, движутся звезды, такие же, как и Солнце, раскаленные огромные тела. Нет движению конца и края, и богу в этом движении места нет.

Ради защиты своего учения Бруно сбросил ненавистную

рясу. Началась скитальческая жизнь.

Всюду, где появлялся в своих странствиях Бруно, его преследовали папские шпионы. Хитростью они заманили ученого обратно в Италию, бросили в казематы инквизиции. Но ни заточение, ни пытки, ни казнь не вырвали из уст Бруно отречения. Палачи оказались бессильны.

Если близко подойти к памятнику Бруно, можно рассмотреть на пьедестале четыре скульптурных изображения. Сервет, Ванини, Кампанелла, Раме. Это — современники Бруно. Его братья по подвигу.

Сервет, испанский врач, не мнил себя героем или святым. Он молился, соблюдал посты и никогда не отрицал бога. Но как только он начинал изучать строение человеческого тела, бог становился ему просто не нужен.

Религия говорит: «Человек —

подобие божие; исследовать, как он устроен, — кощунство». А Сервет взял в руки скальпель и убедился, что никакой божественной сущности в строении человеческого тела нет: мускулы, кости, нервы...

«Все болезни ниспосланы свыше за грехи людей, — уверяют шарлатаны-врачи, — даже

волос не упадет с головы человека без повеления божия!» А Сервет высказал догадку о естественных, земных причинах некоторых болезней. Опять обошелся без вмешательства бога.

И Сервета сожгли. В Женеве, в 1553 году, на сорок семь лет раньше Бруно.

бийцы, воры и попы предпочитают темноту. В темноте легче залезать в душу и в карман ближнему. Кто пытается рассеять тьму, — тот враг церкви.

В старинной книге написано, что у мухи — четыре лапки. Значит, так оно и есть. Ты поймал муху и убедился, что лапок шесть, а не четыре. Не верь глазам своим, верь книге: она священна!

А французский математик

Пьер Раме заявил: «Чепуха!» И повторил это не однажды по поводу многих других «суждений», таких же или еще более нелепых.

Пьер Раме неустанно учил: правда жизни выше, чем мертвая богословская премудрость. И гнев церкви обрушился на него. Труды Раме уничтожили, ученому запретили преподавать. Во время религиозной резни в честь святого Варфоломея Раме погиб от кинжала наемного убийцы...

еще более тяжелая участь ждала итальянского философа Лючилило Ваннини.

Сервет, Раме, их собратья изгоняли бога каждый из своей области: медицины, химии, математики, астрономии. Ваннини дерзнул изгнать его из мира в целом.

Открыто свергать бога было невозможно — и Ваннини избрал другой путь. В своих проповедях он «обрушивался» на еретические учения, «обличал» их и попутно разъяснял, давал свое толкование. Внешне благочестивый, он отрицал сотворение мира богом, отрицал чудеса и божественное происхождение Христа.

Церковь разгадала хитрость и через девятнадцать лет после гибели Бруно расправилась с Ваннини. У него вырвали язык, затем повесили, труп сожгли и пепел развеяли по ветру.

Мученическая кончина Ваннини — случай не очень обычный. Как правило отцы-инквизиторы были «мягкосердечны» — они приговаривали свою жертву всего лишь к казни «без пролития крови» — и тут же передавали в руки светских властей. Солдаты и палачи таскали дрова, раздували огонь, привязывали к столбу осужденных. А попы стояли в стороне. Они молились о милосердии...

то случилось в одной из областей Италии — Калабрии, изнывавшей под испанским гнетом. Все было готово к восста-

нию, но помешало предательство. Власти схватили несколько человек во главе с руководителем. Им был Томазо Кампанелла.

«Бунтовщики, поднявшие руку на священную королевскую власть, не остановятся ни перед чем!» Страх за свою судьбу объединил испанских оккупантов и итальянских священников. И результат: не где-нибудь, а именно в застенках инквизиции провел Кампанелла двадцать семь бесконечных лет.

Семь раз его жестоко пытали.

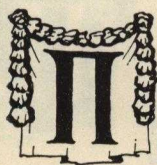
Но имен своих товарищей он так и не назвал.

Слабых духом несчастье ломает, сильных — закаляет. В мрачной камере, куда не доходит дневной свет и человеческий голос, Кампанелла пишет книгу о счастливых и свободных людях — гражданах города Солнца.

Такого города нет на земле.

Это — город-сказка, сказка равенстве и справедливости. В просторных домах, окруженных тенистыми садами, живут сильные, смелые, красивые люди. Труд приносит им радость. Нищета, болезни и преступления им неизвестны.

Счастье человека — на земле. На земле, а не в раю, как лживо утверждает религия.

Пять человек, незнакомых друг с другом. Пять судеб. Статуя — и четыре портрета на постаменте.

Их могло быть больше, гораздо больше. Везалий, Коперник, Галилей, Вольтер...

В огромном многоголосом Риме затерялась площадь Цветов. Спешат рабочие, дети играют у памятника. Вдалеке, за домами, виднеется купол собора Святого Петра.

Там резиденция папы —

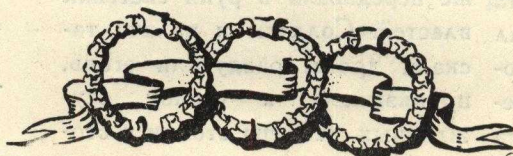
Ватикан. Государство-карлик, сплывшее, запусивший щупальцы во многие страны мира. Его размеры — сорок четыре гектара. Население — едва девятьсот человек. Существует Ватикан вот уже пять веков лишь потому, что верно служит самым темным, самым реакционным силам.

Пухлые руки папы благословляли Гитлера, Муссолини, американских солдат, посланных грабить Корею. Ватикан запретил верующим читать кни-

ги Шекспира, Сервантеса, Горького. Всего десять лет назад по приказу папы римского был убит ярый обличитель католицизма, советский писатель Ярослав Галан.

Скромный памятник на площади Цветов. Медленно подтачивает его время. Выветривается гранит, стареет бронза. А память о героях бессмертна.

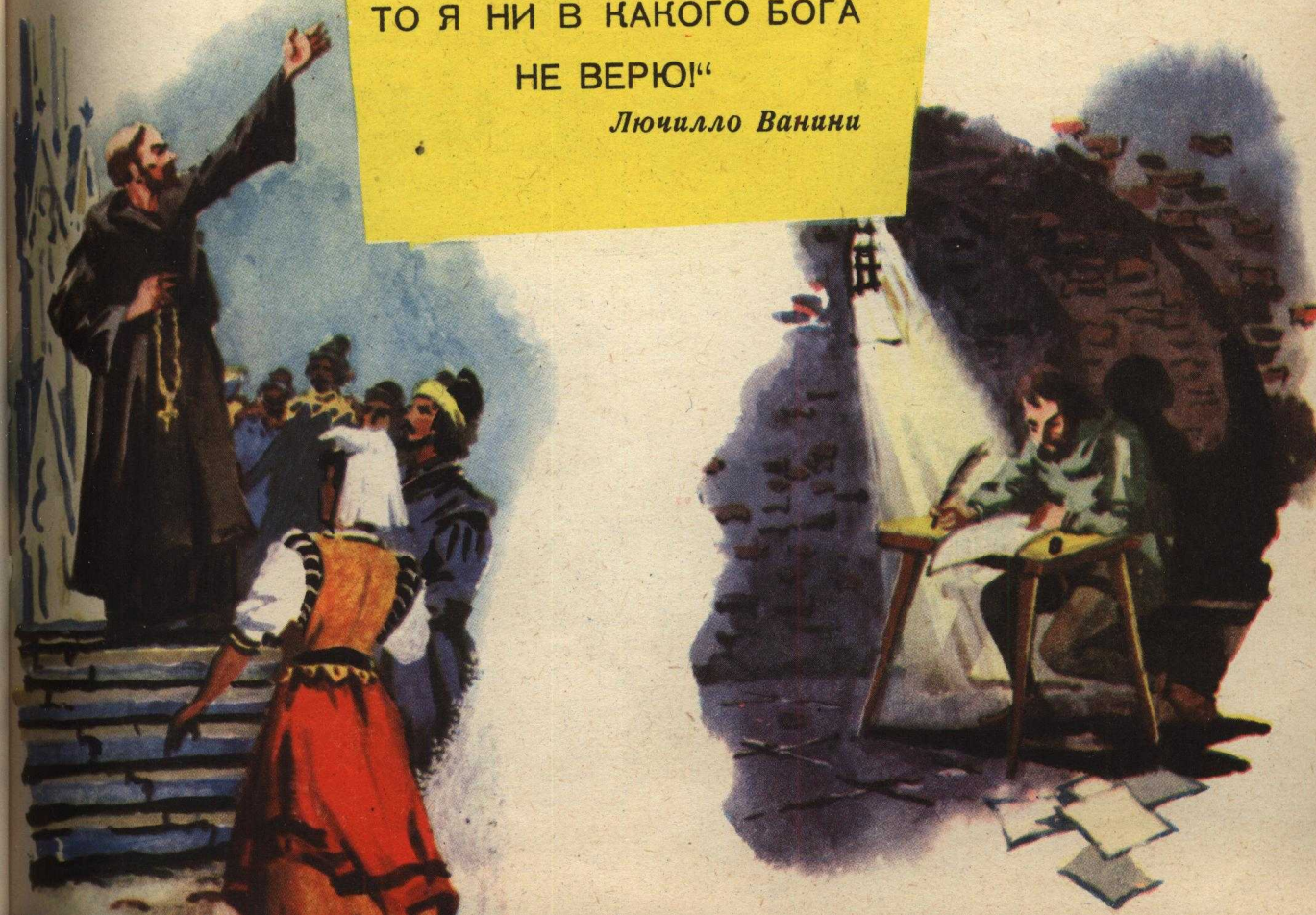
Невозможно потушить солнце. Невозможно заставить людей свернуть с пути разума.

„ЧТО ДО БОГА,
ТО Я НИ В КАКОГО БОГА
НЕ ВЕРЮ!“

Лючилло Ванини

**Почетный
председатель клуба —
действительный
член Академии Наук СССР,
инженер-вице-адмирал
Ю. А. Шиманский**

КАЮТ-КОМПАНИЯ. — Рассказ челюскинца. — У НАС НА
ПОЛУБАКЕ. — Е. Фрейберг. Хозяин острова. — Проволока,
кусачки и немного терпения. — Ответы на задачи в «Ко-
стере» № 1.

Рисунки В. Шевченко

*Рассказ челюскинца Федора Петровича Тойкина, прослушанный
зимним вечером в кают-компании морского клуба журнала «Костер»*

То, о чем я расскажу, происходило двадцать шесть лет назад. Я тогда плавал вторым механиком на пароходе «Челюскин».

Мы получили задание — пройти Северный морской путь без зимовки, за одну навигацию. Экспедицией руководил академик Шмидт. Капитаном был знаменитый полярник Воронин.

«Челюскин» выполнил задание. Он обогнул северные побережья Советского Союза и прошел Берингов пролив. Но тут пароход попал в ледяной плен. Леды вынесли «Челюскин» назад, через Берингов пролив на север, и тринадцатого февраля 1934 года пароход, раздавленный сжатием льда, затонул.

Двести человек, — моряки, ученые, пассажиры, строители, — очутились на льдине.

Через сутки после гибели парохода мы связались с Москвой. Получили правительственный приказ: к берегу не пробиваться, не рисковать людьми, ждать помощи.

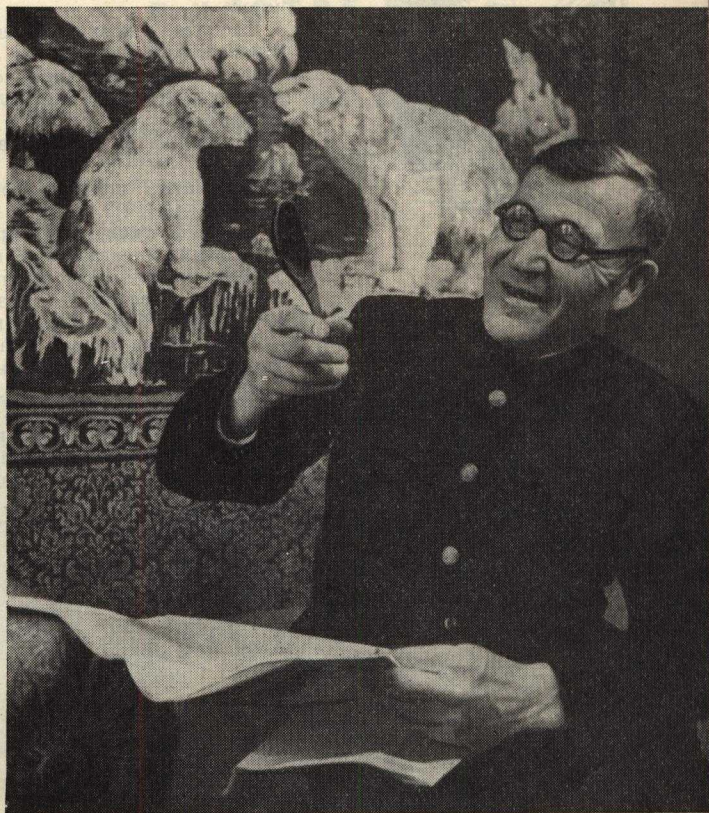
О «Челюскине» написана не одна книга. Я не стану рассказывать о том, как спасли челюскинцев. Я скажу о другом.

Мы прожили два месяца в очень трудных условиях. «Челюскин» погиб внезапно, и, спасая научное имущество, мы не успели выгрузить на лед инструмент. Не хватало и строительных материалов. А надо было налаживать ледяной лагерь.

И тут оказалось, что все мы — не просто бывалые, мастеровые люди, но еще и изобретатели. Каждый что-то придумывал, советовал. Что ни день, происходили чудеса.

Из обломков, из кусков бревен выстроили барак на пятьдесят человек. В окна вставили пустые пятилитровые бутылки, стены обложили снаружи глыбами плотного снега.

В первые дни повара готовили обед на костре. Огонь разводили прямо на льду. Но лед подтаивал, и костер опускался, уходил от котла. Тогда под костер стали подкладывать железный лист, а пламя загораживали от ветра фанерным щитом.

— Вот она, ложка. До сих пор со мной.

В бараке установили две печи из бензиновых бочек. Но чем их топить? Дров мало, да и те нужны поварам. Подвесили к потолку барака бачок с жидким топливом, приспособили к бачку медную трубку с краником. Получилась форсунка. Капает горючее на пылающее полено, и горит полено чуть ли не сутки. Стало выходить совсем немного дров.

Вместо зубила пошел в ход толстый нож, вместо наковальни — шлюпочный якорь. Машинист Вася Бармин ухитрился резать швейными ножницами толстые листы красной меди. Как уж это ему удавалось, так никто и не понял.

Механик Колесников делал светильники. Возьмет медную трубочку, пропустит в нее фитиль на проволоке. Верхний конец закупорит и пробьет в нем мелкие дырочки. Нижний конец опустит в бензин, — и готово! Поднесешь спичку, трубочка нагреется. Пары бензина начнут выходить сквозь дырочки и загорятся. Если бензин хороший, светильник дает ровное яркое пламя.

Не было у нас посуды. Как садиться есть, так прямо беда. Пошли в ход консервные банки, стали вырезать из дерева ложки. Вот она, ложка. До сих пор со мной.

Сделали духовки, противни, умывальники. Еле управлялись изобретатели: то ведро прохудилось, то чайник потек, то ковшик нужен.

Дверные петли получились из брезента и медвежьей шкуры.

Шило для подшивки валенок — из винтовочного шомпола.

Шахматы, шашки, домино — из красной листовой меди.

Даже футляры для очков наловчились делать...

...Вышла стенгазета. В передовой статье Отто Юльевич Шмидт писал: «Мы на льду, но и здесь мы граждане великого Советского Союза, мы и здесь высоко держим знамя Республики Советов».

И это была чистая правда. Как только закончились первые аварийные работы, в ледовом лагере наладилась трудовая жизнь. Возобновились разные виды учения, лекции, читки.

Мы жили дружно, и Арктика с ее сорокаградусными морозами, выюгами, тьмой — ничего не могла поделать с нами. Это заслуга всех челюскинцев и прежде всего — коммунистов.

...Пятого марта в лагерь прилетел первый самолет.

У НАС НА ПОЛУБАКЕ

ПРОВОЛОКА, КУСАЧКИ И НЕМНОГО ТЕРПЕНИЯ

Вот и всё, что нужно для наших новых головоломок. Проволока — железная, 2—3 миллиметровая, а к кусачкам хорошо бы добавить плоскогубцы и круглогубцы.

ПЕРВАЯ ГОЛОВОЛОМКА — САМОЛЕТ. В ней две части — самолет и парашют. Требуется освободить парашют, то-есть разъединить части, ничего при этом не разгибая и не применяя силу.

Введите узкий конец парашюта (мысик) в кольцо А, накиньте его на кольцо Б так, чтобы оно прошло внутри мысика, и вытяните парашют обратно.

Если сразу не получится, посмотрите на рисунок. Соединение частей производится тем же способом, но в обратном порядке.

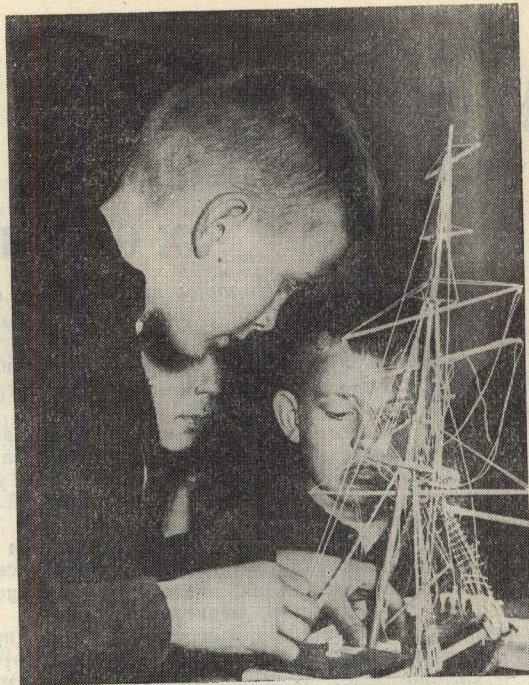
ВТОРАЯ ГОЛОВОЛОМКА — СПУТНИК. В ней три части — земной шар, ракета-носитель и спутник (кольцо). Как вывести спутник на орбиту — освободить кольцо — ?

Подведя ракету с накиннутым на неё кольцом к шарнирному соединению дуг, сложите обе дуги вместе. Накиньте кольцо на сложенные дуги и снимите его.

Изготавливая эту головоломку, сделайте шарнирное соединение достаточно подвижным, чтобы дуги можно было сложить. Кольцо должно быть такого размера, чтобы внутри него свободно прошли концы сложенных дуг.

ТРЕТЬЯ ГОЛОВОЛОМКА — ДНЕВНИК ШКОЛЬНИКА. Кто хорошо разобрался в конструкции головоломок — спутника, тот без труда освободит дневник от двойки, оставив пятерку в дневнике.

Если в ваши дневники каким-нибудь чудом попадет двойка, поступайте с ней точно так. И чем скорее, тем лучше!

В судомodelьном кружке
Тувинская областная станция юных техников
Фото М. Минцева

В КОСТРЕ № 1

ЗАДАЧА СЛАВЫ ВОРОШИЛОВА. Махачкала. Астрахань. Хабаровск. Калькутта.

НЕ ПЕРЕВЕРНУТЬ ЛИ ВОЗ? Азов.

ЗАДАЧА-ШУТКА. Триест.

АНАГРАММЫ. Кит + кол = клотик. Жаба + кот = каботаж. Топ + варан = аванпорт.

РЕБУС-ПРИПЕВ. Гордо реет над нами флаг Отчизны родной!

Зимний рейс на Балтике
Фото П. Степанова

ХОЗЯИН ОСТРОВА

*Истинное происшествие, о котором рассказывает бывший полярник
Евгений Николаевич Фрейберг*

Ледокол подошел к неизвестному острову и отдал якорь. На пустынный берег высадились матросы и ученые.

Высокий жилистый геолог Николай Николаевич и плотный коренастый астроном поспешно зашагали в глубь острова. Идти было тяжело: ноги увязали в глине, а тундровые болота были залиты водой. Лишь кое-где лежал снег.

Исследователи поднялись на пологую гору и в изумлении остановились. До сих пор они не встретили никаких признаков жизни, а здесь, на вершине горы, весь снег был утопан медведями. Жаркое солнце растопило следы, они стали огромными, и можно было подумать, что по острову бродило стадо мамонтов.

— Скудно будет, если сюда явятся эти хозяева, — подумал вслух геолог, добывая из-под снега обломок камня и внимательно рассматривая его в лупу. — Одним молотком не отобьешься.

— Что вы, Николай Николаевич! Да они боятся человеческого духа. Не придут, — убежденно возразил астроном. Он установил треногу с инструментом и принялся за работу.

Когда наблюдения были закончены, исследователи направились обратно. Снова начался тяжелый путь по глине.

— По такой дороге не только от медведя, от черпахи не убежишь, — заметил астроном.

— А придется убежать, — невозмутимо сообщил геолог. — Посмотрите-ка назад.

— Батюшки! Медведь! — ужаснулся астроном. — Что будем делать?

Сзади, действительно, появился огромный медведь. На снегу он казался совсем желтым.

— Надо скорей добираться до берега, — сказал геолог. — Идем.

Они ускорили шаги, с трудом вытаскивая ноги с налипшими комьями глины. Медведь шел крупным шагом, и расстояние между ним и людьми быстро уменьшалось.

— Странно, что он идет по нашим следам, — рассуждал геолог. — Никогда этого не бывало. Какой-то некультурный зверь. Придется вам оставить инструмент, чтобы его отвлечь, а я брошу шапку.

— Надо еще прибавить ходу, — сказал через несколько минут астроном, тяжело дыша. — Смотрите, он уже недалеко.

— Ничего, у инструмента задержится. А потом увидит в вашу трубу, что мы не тюлени, и отстанет.

— Да он, наверное, никогда не видел тюлей. А тюлений запах от моих сапог? И зачем я их намазал?

— Как, вы намазали тюленьим жиром сапоги? — встревожился геолог. — Тогда всё понятно. Медведь принимает нас за тюлечей. Надо бежать!

— Погодите! Он идет только по моим следам. Видите, он поднялся на пригорок, где я был. Бежите к берегу, а я попробую его задержать.

— Ну уж, нет, — усмехнулся геолог. — Пропадать так вместе. Никуда я от вас не пойду.

Медведь в это время дошел до брошенных вещей, поддал лапой ящик с инструментом, так что тот мячиком отлетел в сторону, схватил в зубы шапку и, не останавливаясь, двинулся дальше.

— Бросайте полушубок! — командовал геолог. — И вперед, живей! Еще немного, и нас увидят с парохода.

Разбрызгивая воду, полярники продолжали бег. Они устали, запыхались, но скорости не сбавляли. Медведь бросил шапку и тоже прибавил ходу. Он был совсем близко. Из полураскрытой пасти свешивался язык и торчали огромные клыки. Маленькие черные глаза злобно сверкали, уши были прижаты.

У полушубка зверь задержался. Подойдя к нему как-то боком, он тщательно его обнюхал, потрогал зубами и двинулся дальше.

Настала очередь геолога расстаться с полушубком. Не прерывая бега, он сбросил его и добавил пару меховых рукавиц.

— Всё! — крикнул он. — Расчет только на ноги!

Обессиленные исследователи выбежали, наконец, на берег и бросились к шлюпке, где их ждали матросы. И вовремя! Медведь, большой и грозный, появился на краю берегового обрыва... и в недоумении остановился. Двух тюленей, за которыми он охотился, ускользнули.

Хозяин острова разочарованно повернул обратно.

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ СТЕКЛЕ

(К рисунку на 4-й странице обложки)

Взгляните на голубой кувшин. Он сделан по рисунку художника А. А. Успенского. Кувшин прост, но можно долго любоваться его гладкой блестящей поверхностью, плавно скругленной формой и прозрачной изогнутой ручкой.

Вспоминается тоненький нежный колокольчик, когда видишь вазу В. И. Мухиной. Художница не собиралась делать ее в виде цветка, и все-таки ваза напоминает его изящную простую форму.

И петушок как будто настоящий: красный гребешок, такая же борода, красивые перышки — цветные полоски. Веселый и задорный петушок. Стоит и красуется. Радует глаз.

Выполнен петушок по рисунку художника Б. А. Смирнова.

И голубой кувшин, и ваза-колокольчик, и петушок — экспонаты Русского музея в Ленинграде. А созданы они на Ленинградском заводе художественного стекла.

Еще перед войной, каких-нибудь двадцать лет назад, этот завод назывался зеркальной фабрикой и выпускали здесь зеркала и обыкновенную стеклянную посуду. В производстве использовали только два ценные свойства стекла: его прозрачность и химическую стойкость.

Но вот пришли на завод — это тоже было перед войной — скульптор Вера Игнатьевна Мухина и ученый, специалист по стеклу, Николай Николаевич Качалов. Они предложили освоить выпуск цветного стекла.

Предложение было принято. Открыли новый цех художественного или, как говорят специалисты, декоративного стекла.

В. И. Мухина, автор известных монументальных скульптур, и другие художники стали работать над хрупкими цветными стеклянными вазами, бокалами и кубками.

Как же создается художественное стекло?

Вот ваза, выполненная по замыслу художника Э. М. Криммера. Она из двухслойного стекла — бесцветного и зеленого.

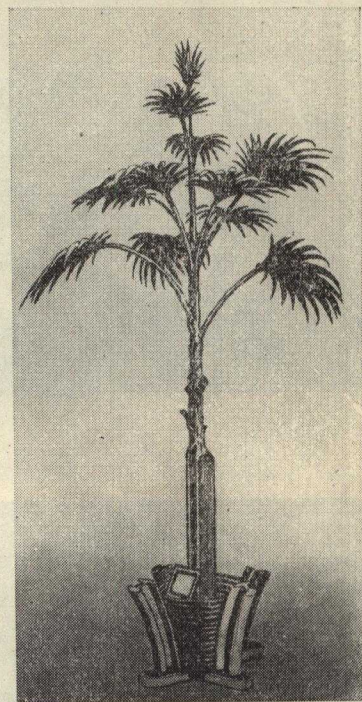
Художник нарисовал на бумаге вазу и отнес рисунок в цех. Стеклодув посмотрел на рисунок и начал работу. Как обычно, металлической трубкой он поддел расплавленное бесцветное стекло, выдул из него пузырь, наподобие мыльного, затем окунул его в жидкое зеленое стекло. Бесцветный пузырь оделся в зеленую оболочку.

Пока стекло не успело остыть, мастер «сажает» его в форму — точную копию будущей вазы. Когда стеклянная ваза остыла, ее вынули из формы. Снаружи она зеленая, внутри — бесцветная. Так и полагалось по замыслу художника.

Из рук стеклодува еще не окончательно готовая ваза переходит к шлифовальщику. Внимательно вглядываясь в рисунок-оригинал, мастер снимает кусочки зеленого стекла, и — ваза готова.

Так рождаются изделия из художественного стекла, которыми люди любят в музеях, на выставках, у себя дома.

ПАЛЬМА В МУЗЕЕ

Среди древних окаменелостей, обломков метеоритов, причудливых раковин и минералов стоит в Горном музее в Ленинграде любопытный экспонат — трехметровая пальма.

— Смотрите, смотрите, как настоящая, — вот что придется слышать экскурсоводам этого музея.

Пальма похожа на настоящую, но, приглядевшись внимательнее, можно заметить характерный блеск металла. «Дерево» выковано из стали, из цельного куска рельса.

Пятьдесят восемь лет стоит пальма в музее, но только недавно стало известно, что ее выковал кузнец бывшего Юзовского — теперь Металлургического завода в городе Сталино — талантливый русский умелец, кузнец Алексей Иванович Мерцалов. Сообщил об этом в музей рабочий, который был в то время у Мерцалова молотобойцем.

ШКОЛА МАСТЕРОВ

Кольский полуостров, окрестности Кировска. Здесь, за Полярным кругом, тренируются ученики детской спортивной школы общества «Труд».

На правом нижнем снимке — шеренга мастеров спорта. Все они воспитанники детской спортивной школы. Пятый слева — руководитель школы, чемпион СССР Кузнецов. Первый слева — Сережа Иванов, самый молодой мастер лыжного спорта в нашей стране.

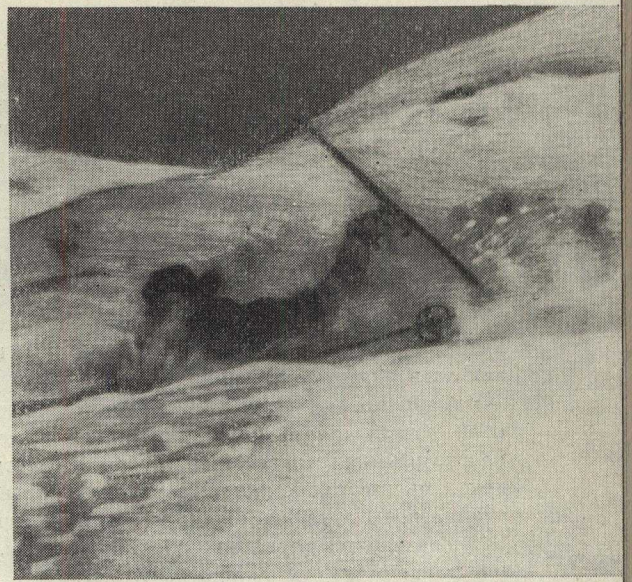
Городу Кировску скоро исполнится тридцать лет. Школа встречает юбилей блестящими успехами. Мастеров — пятнадцать, перворазрядников — десятки, третьеразрядникам — счету нет!

Фото Л. Коровина

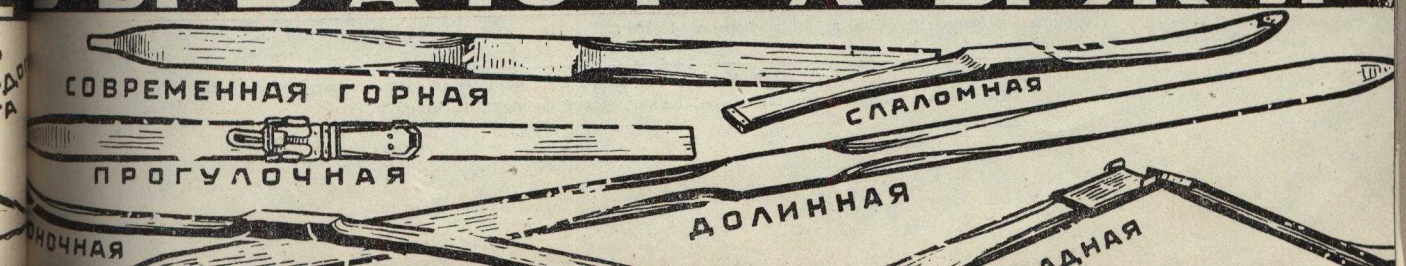

ВОТ КАКИЕ

БЫВАЮТ ЛЫЖИ

ВАШ АКВАРИУМ

Самый распространенный тип аквариума — четырехугольный, с металлическим остовом и стеклами на цементной замазке. Такой аквариум можно купить. При размерах $35 \times 25 \times 20$ см емкость аквариума — 25—30 литров. Сосуды темного и цветного стекла, бутылки с узким горлышком под аквариум не годятся.

Новый аквариум на 2—3 дня залейте водой, а потом тщательно вымойте резиновой губкой. При этом удаляются вредные для рыб и растений вещества, перешедшие в воду из замазки. Заодно вы проверите, нет ли в аквариуме течи.

На дно хорошо вымытого аквариума положите чистый речной песок. Слой песка должен лежать наклонно и быть не менее 4 см глубиной. Перед тем как положить песок, промойте его в тазу небольшими порциями, пока вода не станет совершенно прозрачной. Вам понадобятся небольшие плоские камешки. Они помогут растениям удержаться в грунте.

В городе берите воду из водопровода, но подержите ее несколько дней в стеклянных банках. Озерную и речную воду профильтруйте.

Наливайте воду осторожно, чтобы не поднимать со дна песок. Хорошо наливать через плоское блюдце или по руке.

Когда аквариум заполнится водой на треть, начинайте посадку растений. Растения не только украшают аквариум, они поглощают углекислоту, выделяемую животными, и обогащают воду кислородом. Перед посадкой внимательно осмотрите растения, удалите подгнившие части, промойте.

Пальцем или палочкой делайте в песке углубления, помещайте туда корни растений и засыпайте их песком. Для начала возьмите 4—5 видов самых неприхотливых растений: перистолистник, валлиснерию, людвигию, вод-

ный папоротник. Из плавающих — риччию и сальвинию.

Долейте столько воды, чтобы до края аквариума оставалось 3—4 см, и накройте аквариум стеклом. Если не сделать этого, на поверхности воды появится серая пленка из пыли и бактерий, и атмосферный воздух будет плохо растворяться в воде.

Не стремитесь сразу собрать большую коллекцию рыб. В аквариуме легче всего содержать карася, золотую рыбку с ее разновидностями. Можно завести аквариум с живородящими рыбками: меченосцами, группами, платипецилиями. Рыбки-живородки быстро растут, каждые два месяца мечут мальков.

Лучший корм для рыб — «мотыль» (живые личинки комара хирономуса), а для маленьких рыб и мальков — мелкие ракообразные (сушеная дафния, бокоплав). Кормите рыб понемногу, несколько раз в день, в определенное время и в одном и том же месте аквариума.

Не нужно часто менять воду в аквариуме. Полностью обновляйте воду только в самых крайних случаях (болезнь рыб, сильное развитие водорослей-нитчаток). Регулярно меняйте лишь часть воды и обязательно доливайте воду одинаковой температуры. Для спуска воды и уборки со дна аквариума накопившейся грязи применяйте резиновый шланг. Небольшие остатки корма и отбросы удаляйте стеклянной трубкой, а пленку с поверхности воды — газетной бумагой.

Обзаведитесь термометром, чтобы постоянно следить за температурой воды, и маленьким сачком для пересаживания рыбок.

Создайте в своем отряде звено по интересу и займитесь разведением рыб. Пусть в пионерской комнате вашей школы появится хороший аквариум.

Т. Жадина
кандидат биологических наук

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Тереминская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Дворакоская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: наб. Кутузова, 6, тел. Ж-3-23-63, комм. Ж-3-72-12

М-27002.

Тираж 220 000 экз.

Подписано к печати 12/1 1960 г.

Формат $84 \times 108 \frac{1}{16}$,
Заказ № 947

Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

